

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиРК
_____ И.В. Евсева
«__» _____ 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИИ
В НЕОЛИБЕРАЛЬНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Выпускник _____ Д.А. Сазыкина, гр. ОФ18-01Б

Руководитель _____ д-р филол. наук,
доц. Г.А. Копнина

Нормоконтролёр _____ Н.А. Руш

Красноярск 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	8
1.1. Политическая метафорология как направление современной политической лингвистики.....	8
1.1.1. Трактовка метафоры в политической лингвистике.....	8
1.1.2. Классификация метафорических моделей в политической лингвистике	14
1.1.3. Функции метафоры в политическом дискурсе	18
1.2. Неолиберальный дискурс как тип современного политического дискурса: определение понятия и общая характеристика	21
1.2.1. Определение, сущность и типы политического дискурса	21
1.2.2. Общая характеристика неолиберального дискурса.....	27
1.3. Из истории исследования образа России на материале политического дискурса	32
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	38
ГЛАВА 2. МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В НЕОЛИБЕРАЛЬНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	41
2.2. Типы и функциональные особенности метафор, моделирующих образ России, в публицистических текстах представителей неолиберального дискурса	46
2.2.1. Лингвопрагматическая функция: понятие и типы	46
2.2.2. Антропоморфная политическая метафора.....	46
2.2.3. Социоморфная политическая метафора.....	61
2.2.4. Природоморфная политическая метафора.....	74
2.2.5. Артефактная политическая метафора	80
2.2.6. Нетерминированные виды политических метафор	85
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	96
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	100
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	104
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	115

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование выполнено в рамках политической метафорологии – активно развивающегося научного направления, возникшего на пересечении политической лингвистики и теории метафоры (метафорологии).

Метафоры, используемые в политической сфере общения, все чаще привлекают внимание исследователей: изучаются причины их возникновения, функции, взаимосвязь с политическими процессами и личностными характеристиками говорящих [Баранова и Караулова, 1991; Миллер, 1993; Блэк, 1993; Чудинов, 2001; Будаев, 2008; Зарипов, 2015; Ялинь, 2021 и др.]. Изучение политических метафор позволяет раскрыть особенности национальной, личностной и социумной ментальности индивида или какой-либо социальной группы, выявить интенции коммуникантов и их стереотипные представления. Тем не менее на сегодняшний день наблюдается недостаточная изученность специфики метафорического моделирования образа страны в отдельных разновидностях политического дискурса.

Образ России приобретает большую значимость в условиях информационно-психологической войны как формы информационного противоборства, которое «возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляется путём намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника <...> для его когнитивного подавления и/или подчинения» [Лингвистика информационно-психологической войны, 2017: 13]. Россия в этой борьбе становится основной мишенью, что прослеживается в стратегии дискредитации патриотических движений страны, истории и достижений ее народа, внешней и внутренней политики, Русской православной церкви, идей имперской России и соответствующих символов. Ее образ охарактеризован главным образом на материале текстов СМИ без специального рассмотрения специфики

метафорического моделирования этого образа в разных типах текстов (например, в [Пшенкин, 2006; Орлова, 2012; Будаев, 2020]).

Таким образом, **актуальность** исследования метафорического образа России в неолиберальном публицистическом дискурсе обусловлена следующими обстоятельствами:

- включенностью исследования в актуальную коммуникативно-прагматическую парадигму современного языкознания;
- научной потребностью в заполнении лакун в исследовании метафорических моделей, отражающих современные представления о российской действительности;
- недостаточной изученностью зависимости метафор от типа политического дискурса, в котором они вербализуются;
- растущим интересом российских исследователей к изучению образа России в либеральных средствах массовой информации и публицистических работах представителей рассматриваемого дискурса в условиях информационной войны.

В соответствии с **гипотезой** нашего исследования в текстах представителей неолиберального дискурса (Т.Н. Толстой, В.В. Ерофеева, Д.Л. Быкова и Ю.Л. Нестеренко) с помощью определенных метафорических моделей создается негативно-оценочный образ России.

Объектом исследования является метафорический образ России в речи представителей неолиберального дискурса; **предметом** – метафорические модели создания этого образа и их лингвопрагматические функции.

Цель исследования – охарактеризовать типологические и функциональные особенности метафорических моделей конструирования образа России в неолиберальном публицистическом дискурсе.

На достижение поставленной цели направлены следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть основные положения политической метафорологии;
- 2) представить краткий обзор работ, посвященных конструированию образа России в политическом дискурсе;

- 3) рассмотреть сущностные особенности неолиберального дискурса;
- 4) дать определение понятия неолиберального политического дискурса в его соотношении с понятием политического дискурса;
- 5) выявить и описать виды метафорических моделей, формирующие образ России в неолиберальном публицистическом дискурсе;
- 6) определить их частотность и функциональные особенности.

Для достижения поставленной цели и решения обозначенных задач использовались следующие **методы и приемы**: аналитико-описательный метод, заключающийся в выделении языковых / речевых явлений и их последующем описании в функционально-прагматическом аспекте; метод моделирования, направленный на выявление различных типов метафорических моделей и изучение их развертывания в изучаемом дискурсе; дискурсивный анализ, фокусирующийся на изучении особенностей текста с учетом его коммуникативных целей в реальном контексте (в конкретных культурно-исторических условиях и общественно-политических обстоятельствах).

Материалом исследования послужили публицистические тексты и отдельные высказывания представителей неолиберального дискурса – Т.Н. Толстой, В.В. Ерофеева, Д.Л. Быкова, Ю.Л. Нестеренко за 2006–2022 гг. (см. Список источников речевых иллюстраций). Выбор материала исследования обусловлен известностью их авторов в медийном пространстве и имеющихся у них потенциальной возможностью оказывать существенное влияние на целевую аудиторию. Объем проанализированного материала составляет 55 контекстов, включающих 66 метафорических высказываний. В контекстах наиболее наглядно выражается оценка страны и современной российской действительности посредством использования представителями неолиберального дискурса различных видов политической метафоры.

Научная новизна исследования заключается в привлечении актуального в условиях информационно-политической войны материала и выделении новых разновидностей политических метафор,

не представленных в известных нам классификациях метафорических моделей.

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных исследователей в области политической метафорологии (А.П. Чудинова, Э.В. Будаева, Д. Дэвидсона, Ф. Уилрайта и др.) и когнитивной лингвистики (Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, М. Джонсона и др.).

Теоретическая значимость исследования обусловлена определением специфики метафорического моделирования образа России в неолиберальном дискурсе, что вносит вклад в политическую метафорологию путем установления определенной зависимости метафорических моделей, конструирующих образ страны, от конкретного типа дискурса.

Практическая ценность работы заключается в том, что полученные результаты исследования могут использоваться в процессе преподавания в вузе политической лингвистики, а также при написании студентами и аспирантами филологического направления научно-исследовательских (курсовых и выпускных квалификационных) работ.

Результаты работы были представлены на XIV Международной научно-практической конференции «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (г. Красноярск, 21-22 апреля 2022 г.), где доклад занял третье место. Статья на основе полученных результатов исследования [Сазыкина, 2022: 38–44] опубликована в сборнике научных статей «Человек и язык в коммуникативном пространстве» по материалам XIII Международных (XXVII Всероссийских) филологических чтений имени профессора Р.Т. Грив (г. Лесосибирск, 29-30 апреля 2022 г.).

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. В первой главе представлены теоретико-методологические основы исследования метафоры в политическом дискурсе: рассматриваются три

ключевых для исследования понятия – политическая метафора, политический дискурс и образ страны, а также дается общая характеристика неолиберального дискурса. Вторая глава представляет собой анализ метафорического моделирования образа России в текстах неолиберального публицистического дискурса: на основе контекстов выделены типологические и функциональные особенности антропоморфных, социоморфных, природоморфных, артефактных, а также метафор, ранее не изученных в научных работах в рамках политической метафорологии. Список использованной литературы включает 118 источников. В Приложении дан список источников речевых иллюстраций.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

1.1. Политическая метафорология как направление современной политической лингвистики

1.1.1. Трактовка метафоры в политической лингвистике

Метафора как объект исследования находится в центре внимания лингвистики достаточно долгое время. Ее изучением занимались как отечественные ученые (Н.Д. Арутюнова [1990; 1999], А.П. Чудинов [2000; 2001; 2003; 2013], В.П. Москвин [2000; 2006], Э.В. Будаев [2008; 2009], Ц. Ялинь [2021]), так и зарубежные (М. Блэк [1990], Д. Дэвидсон [1990], Ф. Уилрайт [1990], Дж. Лакофф [2004], Дж. Чартерис-Блэк [2014] и др.). К настоящему времени сложились два подхода к определению метафоры, которые противопоставлены друг другу: риторико-стилистический подход, для которого характерно понимание метафоры как тропа, служащего украшению речи (О.С. Ахманова [1966]), Дж. Миллер [1993], Г.Г. Хазагеров [2004] и др.), и подход лингвокогнитивный, возникший в связи с развитием когнитивной лингвистики и представляющий метафору как одну из форм мышления (Дж. Лакофф и М. Джонсон [1980], А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов [1991], Е.С. Кубрякова [1996], Э.В. Будаев [2007] и др.).

Основные принципы теории метафоры были изложены еще в эпоху античности, когда понятие метафоры рассматривалось в контексте риторики и поэтики. Термин «метафора» служил для обозначения риторической фигуры, усиливающей образность языка. Так, древнегреческий философ Аристотель в трактате «Поэтика» рассмотрел метафору как перенесение значения слов на основе принципа сходства или подобия: «Метафора – это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, с вида на род, или с вида на вид или по аналогии» [Аристотель, 1984: 669]. Несмотря на широкое

понимание метафоры, Аристотель первым подметил ее сущностную особенность, состоящую в переосмыслении слова. Такая концепция использовалась на протяжении долгого времени. В частности, Марк Фабий Квинтилиан, продолжая развивать мысль о необходимости осмысления метафоры как тропа, выделял, помимо украшения речи, следующие ее функции: возможность обозначить объект, не имеющий собственного наименования (в современной лингвистике эту функцию выполняет номинативная метафора) и выразить отношение к объекту, дать ему оценку, что способствует большей выразительности речи (оценочная метафора в современной теории) (по [Прокопчук, 2009: 77]).

Понимание метафоры философами Нового времени значительно отличается от античного: данное явление они связывают с природой языка. Так, Жан-Жак Руссо в работе «Опыт о происхождении языков» отмечает, что язык изначально был метафоричным, а первый язык – образным. Тогда метафора в его понимании представляет собой не просто средство украшения речи, а отражение первоначального, чувственного постижения мира [Руссо, 2001: 260]. Концепция Руссо, по мнению К.С. Иордана, стала одной из первых, где изучение метафоры вышло за рамки риторики [Иордан, 2017: 8].

Важными источниками для современной теории метафоры послужили также работы В. фон Гумбольдта, который, рассматривая слово как знак и отражение действительной вещи, писал, что «от изображения оно отличается способностью представлять вещь с различных точек зрения и различными путями, от простого обозначения тем, что имеет свой собственный определенный "чувственный образ"» [Гумбольдт, 1985: 305]. Этот образ, по мнению Т.Н. Зубакиной, является ключевой составляющей метафорического моделирования, поскольку смысловое восприятие одного такого «чувственного образа» может переноситься на основе подобия на смысловое восприятие другого [Зубакина, 2014: 15].

Большое значение для современной теории метафоры имели и представления А.А. Потебни, который видел в метафоре «направление познания от прежде познанного к неизвестному» [Потебня, 1990: 203]. Функция метафоры в определении ученого заключается в том, что она позволяет выразить «сложные и смутные ряды мыслей, возбужденных неопределенным множеством действий, слов и пр.» [Там же: 205]. В дальнейшем его положения будут приняты исследователями в рамках когнитивного аспекта исследования метафоры.

Начиная с XX века теория метафоры получает интенсивное развитие в разных направлениях. Так, аналитическое направление в изучении метафоры, в котором она рассматривается на основе семантической теории истины, отражено в работах Л. Витгенштейна [1958], Д. Дэвидсона [1990], Б. Рассела [1996] и др. Прагматический смысл понимания метафоры (метафорический смысл как результат соотношений конкретных значений) представлен в работе Дж. Серля [1990].

В сравнительной теории метафоры, разработанной Э. Ортони [1990], важным признается дифференциация понятий аналогии, сходства и уподобления в описании способов порождения метафорического смысла. Концепция получила развитие в трудах психолога Дж. Миллера, который основанием для любой метафоры рассматривал отношения сходства и сравнения: «The grounds for a metaphor, therefore, can be formulated as relations of similitude that can be expressed as comparison statements» («Следовательно, основания для метафоры можно сформулировать как отношения сходства, которые могут быть выражены как сравнительные утверждения» – перевод наш) [Miller, 1993: 398].

Представители интеракционизма (направления, созданного М. Блэком на основе теории А. Ричардса [1990]), напротив, считают, что метафора создает сходство, а не выражает его. Метафора в работе М. Блэка рассматривается как «верхушка затопленной модели»: «Every metaphor is the tip of a submerged model» («Каждая метафора – это вершина затопленной

модели» – перевод наш) [Black, 1993: 30]. Иными словами, модель метафоры включает в себе «глубинные» семантические структуры взаимодействия первичных и вторичных значений языкового выражения. Этот тезис является ведущим в истории метафорического моделирования.

В современных исследованиях метафора рассматривается в неразрывной связи с процессом познания. Ведущая роль в исследовании метафоры, как отмечает А.П. Чудинов, принадлежит когнитивной лингвистике, которая отказалась от традиционного взгляда на метафору как на способ «украшения речи» или «сокращенное сравнение», а также от изучения «собственно языковых» закономерностей метафоризации, присущего структурализму [Чудинов, 2001: 7–8]. Метафора в современной когнитивистике (Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1990; 1999], Дж. Лакофф и М. Джонсон [1990], Э. Будаев [2007] и др.) рассматривается как форма мышления, основная ментальная операция, способ познания, структурирования и объяснения мира.

Когнитивная лингвистика развивает идею о том, что метафора изначально присуща человеческой природе. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон предполагают, что метафора проявляется не только в языке, но и в мышлении и речевом действии, которые метафоричны уже по своей сути: «Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека» [Лакофф, Джонсон, 1990: 391]. Таким образом, появляется новое понятие – концептуальная метафора, представляющая собой языковое явление, которое отражает процесс познания мира. Вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, Э. Будаев отмечает, что «индивидуум склонен реагировать не на реальность, а скорее на собственные когнитивные представления реальности», это «приводит к заключению, что и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой представлений человека» [Будаев, 2007: 19]. Иначе говоря, метафорические модели изначально заложены в понятийной системе разума человека.

А.П. Чудинов называет их «схемами, по которым человек думает и действует» [Чудинов, 2001: 32].

Таким образом, при лингвокогнитивном подходе метафора рассматривается не как средство украшения речи, а как способ понимания онтологических процессов окружающего мира, средство его осмысления и восприятия, как когнитивный феномен, отображающий суть мыслительной деятельности человека. В политической метафорологии эти характеристики особенно важны, поскольку они представляют метафору как один из способов моделирования представлений о мире, влияющих на наше поведение.

Следующим существенным признаком метафоры, по А.П. Чудинову, является то, что она понимается «как своего рода гештальт, сетевая модель, узлы <...> которой связаны между собой отношениями различной природы и различной степени близости» [Чудинов, 2013: 12]. Метафора позволяет автору высказывания связывать несколько понятийных сфер и использовать знакомые и более конкретные образы для осмысления других явлений. Н.Д. Арутюнова указывает на намеренное сближение метафорой объектов, принадлежащих разным классам: «Метафора отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он на самом деле входит, и утверждает включенность его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании. <...> Источник метафоры – сознательная ошибка в таксономии объектов. Метафора работает на категориальном сдвиге» [Арутюнова, 1990, 17–18].

Когнитивная теория характеризуется также широким подходом к выделению метафоры по формальным и содержательным признакам [Чудинов, 2013: 13–14]. Первое подразумевает, что структурные различия метафоры и других компаративных явлений не являются настолько важными факторами, как смысловое уподобление. Так, и метафора, и сравнение в данном аспекте относятся к метафоре в широком смысле [Там же: 14]; второе – что метафорой «может быть назван любой способ косвенного

выражения мысли» [Арутюнова, 1990: 296–297]. При лингвокогнитивном подходе не выделяются строго семантические, стилистические и другие различия между метафорой, сравнением и другими феноменами с элементом компаративности [Чудинов, 2013: 14].

Возможности применения когнитивных характеристик метафоры к политическому дискурсу впервые были замечены Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [1980]. Ц. Ялинь, анализируя принципы понимания метафоры в современной политической лингвистике, приходит к выводу, что концептуальная система, на которой формируются мысли людей, сама основана на метафоре, а метафора – это «способ мышления носителей языка»; она является не просто риторическим устройством, а «познавательным инструментом, связанным с мыслями и идеалами языковой личности» [Ялинь, 2021: 25].

Метафора как единица речи и ментальный феномен не может изучаться в отрыве от контекста. Областью действия метафоры является «не предложение, а речевое высказывание и, шире, дискурс» [Клименова, 2009: 204]. В настоящей работе нами представлен анализ метафорического образа как способ изучения ментальных процессов, постижения индивидуального и группового самосознания. В связи с этим необходимо использование интегрированного – когнитивно-дискурсивного – подхода, в котором метафора представлена как «механизм формирования смысла, реализующегося в дискурсе, с учетом метафоричности человеческого мышления в целом» [Там же: 204]. В рамках политической метафорологии, как отмечает Э.В. Будаев, только дискурсивная или только когнитивная характеристика метафор препятствуют полноценному изучению политического дискурса [Будаев, 2013: 11]. Следовательно, метафору в представленном дискурсе следует рассматривать и как ментальный, и как лингвосоциальный феномен.

Таким образом, на протяжении нескольких веков происходила эволюция в осмыслении понятия метафоры, и в настоящее время

не существуют его различные определения. А.П. Чудинов отмечает, что метафора «может осознаваться и как слово, имеющее образное значение, и как процесс метафорического развития словесной семантики в языке или в конкретной коммуникативной ситуации, <...> как форма мышления или как когнитивный механизм коммуникативных процессов» [Чудинов, 2013: 13]. Лингвокогнитивный аспект предполагает, что для выделения метафоры характерен широкий подход по формальным и содержательным признакам: метафора является «единым континуумом символьных единиц» [Чудинов, 2013: 13]. В коммуникативной деятельности она связывает несколько понятийных сфер и является средством воздействия на чувства и волю адресата. Так, метафора часто направлена на формирование положительного или отрицательного отношения реципиента к тому или иному объекту.

Вслед за сторонниками когнитивно-дискурсивного направления в политической метафорологии в данной работе метафору мы понимаем как средство образного выражения мысли, основанное на уподоблении онтологически разных предметов и отражающее процесс познания и моделирования мира. Учитывая данную дефиницию и функциональную специфику метафоры в изучаемых видах текста, определим политическую метафору как средство образного выражения мысли в политическом дискурсе, основанное на уподоблении онтологически разных предметов и отражающее процесс оценочного моделирования мира.

Функции политической метафоры и разновидности моделей рассмотрим в следующих параграфах.

1.1.2. Классификация метафорических моделей в политической лингвистике

Одним из направлений, занимающихся проблемами политической коммуникации, является политическая метафорология. Метафорическое

моделирование в рамках данного направления представляет собой актуальную сферу исследования. А.П. Чудинов, замечает, что для обозначения метафорических моделей используется большое количество терминов, которые «образно представляют ту или иную денотативную (понятийную) сферу» [Чудинов, 2001: 29]. К примеру, отмечается использование таких понятий, как «модель регулярной многозначности» [Шмелев, 1964; 1973; Апресян, 1974], «метафорический архетип» [Панченко, Смирнов, 1976; Юнг, 1991], «образ-схема» [Лакофф, 1988], «концептуальная метафора» [Лакофф, Джонсон, 1990] и т.д. Многообразие терминов объясняется традициями научных школ.

В политической лингвистике закрепился термин «метафорическая модель»: он используется в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона [1990; 2004], А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова [1991], А.П. Чудинова [2000; 2001; 2013], Э.В. Будаева [2008; 2009] и др.

Политическая метафора в отечественном политическом дискурсе отражает способ мышления, современные представления о российской действительности. Автор высказывания с определенным намерением использует более конкретные образы из знакомых ему сфер, а потому метафорическая модель – это «складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами» [Чудинов, 2003: 67]. А.П. Чудинов описывает модель метафоры в виде формулы «X – это Y»: например, «ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ – это ПУТЕШЕСТВИЕ», «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – это ВОЙНА» [Там же: 68]. Иными словами, метафорическая модель отражает соответствие между элементами сферы-источника (понятийного поля/поля-источника), которые реализуются с помощью лексических единиц в их прямом значении, и элементами поля-цели (мишени), реализуемых с помощью лексических единиц в их непрямом, переносном значении (см.: [Зарипов, 2015: 6]). А.П. Чудинов отмечает, что отношение между компонентами формулы «X – это Y» понимается не как

прямое отождествление, а как подобие: «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ подобна ВОЙНЕ» [Чудинов, 2013: 27].

Анализ метафорического моделирования позволяет осмыслить, как выстраивается конкретный образ в индивидуальном или групповом миропонимании. Это важно при исследовании видов политических дискурсов, отличающихся идеями и концепциями, лежащими в основе метафорического конструирования мира. Каждая метафорическая модель способна разворачиваться в тексте с большей или меньшей частотностью.

Метафорические модели могут перекрещиваться (относиться сразу к нескольким группам), что вызывает трудности их систематизации. Проблема классификации метафорических моделей является одной из наиболее актуальных как в когнитивной лингвистике, так и в современной политической лингвистике. Тем не менее на основании взаимосвязи области-источника и области-цели Дж. Лакофф и М. Джонсон в работе «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф и Джонсон, 2004] выделяют, помимо ориентационных и онтологических метафор, метафоры структурные. Именно посредством использования структурных метафор одно понятие структурируется через другое: такие метафорические модели чаще всего встречаются в политическом дискурсе [Там же: 27]. Например, метафорическая модель «СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО» [Чудинов, 2001: 133].

Метафорические модели классифицируются и на других основаниях. Так, В.В. Лабутина выделяет компоненты в метафорических моделях, связывающие первичные и вторичные (метафорические) значения входящих в нее слов (сюда относятся типовые смыслы «главное и второстепенное», «сильный и слабый» и т.д.). Поэтому для выражения причинно-следственных отношений используется лексика из различных понятийных сфер (цит. по: [Чудинов, 2013: 34]).

В современных работах, посвященных изучению метафорических моделей, наблюдается тенденция использования классификации по сферам-источникам ее появления. Например, А.В. Худяков, исследуя президентский дискурс как один из видов политического дискурса, вслед за А.П. Чудиновым, выделяет четыре сферы («субсферы» по А.П. Чудинову [2001]), или источника, политической метафоры: общество, человек, природа, артефакты [Худяков, 2015]. А.П. Чудинов, исходя из семантических свойств, впервые выделяет следующие виды метафор:

1) антропоморфная метафора (наделение неодушевленных предметов и явлений человеческими качествами: физиологическая метафора, морбиальная метафора, метафора родства, сексуальная метафора);

2) природоморфная метафора (сравнение предметов с природными явлениями: зооморфная метафора, фитоморфная метафора);

3) социоморфная метафора (сравнение предметов и явлений с понятиями из социальной сферы общества: криминальная метафора, милитарная метафора, театральная метафора, спортивная и игровая метафоры);

4) артефактная метафора (построение политической сферы на основе сравнения предметов и явлений с артефактами: метафора дома, метафора механизма) [Чудинов, 2001].

Как отмечает исследователь, при необходимости за основу классификации метафорических моделей можно взять лишь отдельные фреймы сферы-источника. Например, в понятийном поле «Политика» выделяются такие фреймы, как политические институты (парламент, правительство), субъекты политической деятельности (политические лидеры, избиратели) и т. д. В качестве примера приводится следующая метафорическая модель: СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ – это ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖИВОТНОГО МИРА [Чудинов, 2013: 34].

Таким образом, существуют различные основания классификации метафорических моделей: на основании взаимосвязи области-источника

и области-цели [Лакофф, Джонсон, 2004]; выделения образных компонентов, связывающих первичные и вторичные значения охватываемых моделями единиц [Лабутина, 1997; 1998]; отдельных фреймов сферы-источника [Чудинов, 2013: 34]. Наиболее распространенной в современной политической лингвистике является классификация, за основу которой взята сфера-источник метафорической экспансии: человек, социум, природа, артефакты (А.П. Чудинов [2000; 2001; 2003; 2013], О.В. Антипина [2010], А.В. Худяков [2015], В.А. Нагуманова [2019] и др.).

Метафорическое моделирование направлено на получение нового знания о мире и на «оязыковление этого знания» [Телия, 1988: 186]. Однако, помимо организации смысла нового понятия, метафорические модели отражают и авторское мировидение, то есть то, как говорящий воспринимает определенное явление. Тем самым синтезируются языковая и ментальная области, что важно учитывать при анализе политического дискурса, где метафоры обычно используются для создания необходимого образа какого-либо политического субъекта/объекта. Так, образ страны является центральным в текстах политического дискурса, поэтому очевидно и большое значение метафор, используемых при его моделировании. За основу их классификации в настоящей работе берется сфера метафорического притяжения (сфера-магнит). Механизм построения метафорического образа России на примере неолиберального публицистического дискурса рассмотрим в следующей главе.

1.1.3. Функции метафоры в политическом дискурсе

Особое внимание в политической лингвистике уделяется функциям политической метафоры. Рассмотрим основные из них.

1. Когнитивная функция. Она понимается учеными как способность метафоры «влиять на процесс принятия решений» [Лакофф, Джонсон, 2004: 16], быть инструментом «осмысления фоновых процессов сознания и их

результатов» [Шиляев, 2018: 14]. Это основная функция в политическом дискурсе, где метафорическое моделирование является «средством постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности» [Чудинов, 2001]. Иными словами, это функция обработки информации в ее связи с ментальными процессами.

2. **Аргументативная функция.** Она напрямую связана с основной (когнитивной) функцией и заключается в том, что метафора способна быть «средством убеждения в правильности <...> выдвигаемых [говорящим] тезисов или постулатов» [Кобозева, 2001: 134–135]. В рамках политической лингвистики данная функция названа **прагматической**. В частности, Цзэн Ялинь указывает, что использование метафоры в политическом дискурсе способно изменить политическую картину мира реципиента и мотивировать его «на определенные действия по изменению политической реальности», которые адресат будет считать необходимыми и правильными [Ялинь, 2021: 31]. Таким образом, посредством использования метафоры в своей речи говорящий не только влияет на политические воззрения адресата, но и организует сам дискурс, обрабатывая информацию.

3. Важная разновидность когнитивной функции метафоры, которую выделяет А.П. Чудинов, – **моделирующая**. Ее суть заключается в том, что система метафор, выстраиваемая в высказывании, позволяет создать модель политической реальности посредством использования концептов из различных областей [Чудинов, 2013: 19]. Политическая ситуация моделируется так, будто для нее уже существует готовая оценка, а система метафор в текстах политического дискурса создает метафорическую модель современной российской действительности [Там же: 19]. Использование адресантом метафорического моделирования в данных текстах, помимо прочего, позволяет «сжато и образно выразить мотивационные установки политического дискурса» [Зарипов, 2015: 21].

4. **Эвфемистическая функция.** Она заключается в способности политической метафоры играть суггестивную роль, скрыто воздействуя

на реципиента. И.М. Кобозева назвала данную функцию **интерактивной**: в политическом дискурсе она проявляется в «сглаживании наиболее опасных политических высказываний, затрагивающих спорные политические проблемы, минимизируя ответственность говорящего за возможную буквальную интерпретацию его слов адресатом» [Кобозева, 2001: 135]. Иными словами, политическая метафора в высказываниях, касающихся дискуссионных вопросов, позволяет эвфемизировать отдельные положения.

5. Оценочная функция. Она заключается в передаче «эмоционального отношения говорящего к предмету высказывания», в выражении «оценки того или иного события» [Ковшов, 2018: 10]. Так, с помощью политических метафор говорящий способен не только выразить идеологические идеи, но и дать эмоциональную оценку современной действительности, а также сформировать у реципиента соответствующее мировосприятие.

6. Популяризаторская функция. Данная функция политической метафоры заключается в том, что ее использование способствует распространению политических идей и выражению политического мировоззрения доступным для адресата способом. Для этого автор, нацеленный на воздействие на широкие массы читателей и слушателей, «представляет сложные конструкторы в виде легких для понимания образов» [Иордан, 2017: 17]. Политическая метафора позволяет в доступной форме передать адресату сложную идею, воздействия на него.

7. Эстетическая функция. Она является не менее значимой в политическом дискурсе. Используемые в нем модели отражают не только современные представления о российской действительности, но и, по мнению В.Г. Костомарова, «языковой вкус эпохи» [Костомаров, 1999: 7]. В целом феномен современной российской политической метафоры имеет лингвокультурный характер, поэтому рассматривается исследователями в связи с политической, экономической жизнью страны, традициями и самосознанием народа. Поэтому, как указывает А.П. Чудинов, при анализе метафорических текстов дискурса важно учитывать как саму

личность автора, творца метафоры, так и адресата [Чудинов, 2001: 7]. Важно отметить и то, что политическая метафора является динамичной: она действует в актуальный момент, но при этом согласована «с метафорической структурой основных понятий данной культуры» [Лакофф, Джонсон, 1990: 404].

Таким образом, метафора в политическом дискурсе способна «категоризировать и концептуализировать политическую действительность» [Иордан, 2017: 17] (когнитивная функция); убеждать в определенных политических воззрениях (аргументативная функция); создавать модель политической реальности (моделирующая функция); сглаживать острые углы и скрывать критические положения в высказывании (эвфемистическая функция); выражать оценки, в том числе эмоциональные (оценочная функция); воздействовать на широкие массы, доступно объясняя сложные понятия (популяризаторская функция); отражать характерный «вкус эпохи» (эстетическая функция).

1.2. Неолиберальный дискурс как тип современного политического дискурса: определение понятия и общая характеристика

1.2.1. Определение, сущность и типы политического дискурса

Подходы к определению понятия «дискурс»

Одним из центральных понятий современной лингвистической теории является «дискурс». Многозначность этого термина определяется тем, что он оказывается востребованным в различных научных дисциплинах: литературоведении, этнографии, философии, социологии, психологии, политологии и т.д. Соответственно, его использование в разнообразных областях гуманитарного знания объясняет существование разных подходов к его изучению.

Первый подход выявляет определение термина «дискурс» через обращение к этимологии слова (лат. *discursus* – 'бегание взад-вперед; движение, круговорот' [Кибрик, Паршин, 2001]). За происхождением термина стоит метафора быстрого перемещения смыслов (слов) между участниками взаимодействия. Так, выделяется производное значение слова – 'беседа, разговор'. Это определение предполагает любые формы речевого взаимодействия между людьми. Общепринятым мнением в лингвистической дискурсологии является то, что З. Харрис первым использовал понятие «дискурс» в данном значении [Горбунов, 2013: 7]. В статье «Дискурс-анализ» ученый называет его «последовательностью предложений, произнесённой (или написанной) одним (или более) человеком в определённой ситуации» [Харрис, 1952: 3]. Такого определения придерживались Э. Бенвенист, использовавший это понятие вместо термина «речь» [1974], Э. Бюиссанс [2016] и др.

Второй подход к определению дискурса, который активно используется в исследованиях средств массовой информации, был предложен французскими постструктуралистами. В их понимании дискурс означает идеологию, а также то, «как она проявляется словесно» [Кибрик, Паршин, 2001]. Таким образом, идеологически разные типы дискурсов различаются языковыми чертами, стилистической спецификой, тематикой, отраженными в них убеждениями и т.д. Такого подхода придерживаются М. Фуко, использовавший термин «дискурсивные практики» («совокупность анонимных исторических правил, устанавливающих условия выполнения функций высказывания в данную эпоху и для данного социального, лингвистического, экономического или географического пространства» [Фуко, 1996: 118]), а также А.Ж. Греймас [2004], Ю.С. Кристева [2004], Ж. Деррида [2012] и др.

Нидерландский лингвист Т.А. ван Дейк предлагает два определения термина. Первое является более широким: «...дискурс <...> является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло

бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [Дейк, 1989: 121–122]. Так, дискурс понимается как коммуникативное событие между говорящим и слушающим в определенном временном, пространственном и других контекстах. Второе, узкое определение, обозначает дискурс как устный или письменный текст, являющийся результатом коммуникативного действия и интерпретирующийся реципиентами. В данном случае учитываются определенные социальные факторы, личностные характеристики носителей языка, их чувства, эмоции и т.д. [Там же: 122].

В настоящее время в лингвистике принято определять дискурс как «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова, 1990: 137]. Иными словами, дискурс является речью, включенной в коммуникативную ситуацию. Развивая данную мысль, Н.Д. Арутюнова представляет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами. <...> Это речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова, 1998: 136].

Типы дискурсов

О.В. Эпштейн замечает, что в дискурсе находит отражение уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан: «С учетом данных факторов и обстоятельств, сопутствующих высказываниям, а также при их комбинации с соответствующими лингвистическими средствами выделяются определенные виды дискурса» [Эпштейн, 2008: 152].

В.И. Карасик выделяет два типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный [Карасик, 2002: 278]. Персональный тип дискурса связан с ситуациями, когда участниками коммуникативного акта являются люди, воспринимающие друг друга как личности со своим богатым внутренним миром. Политический дискурс

в его узком осмыслении относится к институциональному типу, для которого характерна клишированность общения и участники которого могут не знать друг друга, но должны общаться в рамках установленных для социума норм и правил [Карасик, 2000: 45–46]. Соответственно, политический тип дискурса выделяется на основании двух признаков: цели и статуса участников общения.

Анализ научной литературы по политической лингвистике позволяет сделать вывод о том, что исследователи выделяют такие типы политического дискурса в ином (широком) его понимании, как конкретный (например, дискурс Т.Н. Толстой), групповой (дискурс политических элит, патриотический дискурс, неолиберальный дискурс, националистический дискурс и т.д.), абстрактный (дискурс терроризма, дискурс насилия и пр.).

А.А. Карамовой было выявлено более двадцати подходов к выделению типов дискурсов в современной теории: например, социологический (политический, деловой, массово-информационный и др.); прагматический (комический, дискурс ненависти, дискурс «понижения» и др.); интенциональный (информационный, интерпретационный, аффилятивный и др. дискурсы); функциональный (нормативные, контактные, групповые и др. типы) и т.д. [Карамова, 2017: 362–364].

Политический дискурс как тип дискурса выделяется на различных основаниях (тематически, статусно-интенционально), поэтому и осмысливается по-разному.

Определение понятия «политический дискурс»

Природа политики как специфической сферы человеческой деятельности понимается О.Л. Михалевой как «совокупность речевых действий» [Михалева, 2004]. В определении политического дискурса большая часть исследователей ориентируется на узкий подход, представленный в работах Т. ван Дейка [1989; 2013]. Ученый определяет политический дискурс как «дискурс политиков, ограниченный профессиональными рамками, деятельностью политиков и продуцируемый

в институциональной политической обстановке» (цит. по: [Шапочкин, 2012: 72]). Иными словами, политический дискурс определяется исследователями как «институциональное общение» [Карасик, 2004: 351], то есть как дискурс общения политиков.

В более широком понимании политический дискурс определяется как общение на политические темы или, по мнению Е.И. Шейгал, как «любые речевые образования, содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал, 2004: 121]. Это предполагает, что для донесения реципиентам своей позиции или оценки представители дискурса будут использовать систему профессионально ориентированных знаков (например, конкретную лексику и фразеологию из политической сферы) [Карасик, 2004: 351]. При использовании широкого подхода к определению рассматриваемого понятия к нему относят не только речь политиков, но и все тексты политической тематики. Поэтому, как указывают А.Е. Кибрик и В.А. Плунгян, на периферии политического дискурса находятся жанры реагирования, которые сочетают в себе элементы политического и публицистического (массмедийного) дискурсов [Кибрик, Плунгян, 2002: 280].

Стоит отметить, что политический дискурс обладает не только смыслом (соотнесение с реальностью), но и сущностной «привязкой» (соотнесение субъекта с определенной группой или группами людей) [Ухванова-Шмыгова, 2014: 48]. Поэтому в политическом дискурсе отражаются такие фрагменты действительности (коммуникативная среда или ситуация), которые формируют предметное окружение представителей данного дискурса в процессе языкового взаимодействия [Плевако, 2010].

Кроме того, политический дискурс всегда идеологически окрашен: убеждения адресанта проявляются не только на уровне содержания, но и посредством использования различных способов речевого воздействия и лингвистических средств их оформления; каждый представитель определенных взглядов не только выражает свое отношение к миру, но и его

язык навязывает реципиенту определенное видение мира [Генералова, 2010: 100].

Функции политического дискурса

Основными функциями политического дискурса ученые называют: общественно-формирующую, манипулятивную и информирующую.

Общественная функция предполагает внушение адресатам (обычно гражданам и представителям сообществ) необходимости «политически правильных» действий и оценок: это не описание, а пробуждение в адресате конкретных намерений, побуждение к действию [Шейгал, 2000: 122]. Точнее ее было бы называть убеждающей. Политический дискурс обычно направлен на формирование у реципиентов некоторого фрагмента мировосприятия или картины мира. В.З. Демьянков отмечает, что «речь политика <...> оперирует символами, а ее успех предопределяется тем, насколько эти символы созвучны массовому сознанию: политик должен уметь затронуть нужную струну в этом сознании...» [Демьянков, 2002: 36].

С названной функцией тесно связана другая, – **манипулятивная**, проявляющаяся в способности политического дискурса «канализировать общественное мнение и общественные настроения в заданных направлениях» [Чекменев, 2016: 213]. Таким образом, представления о политическом мире у реципиентов формируются на основе сообщенной им информации. В политическом дискурсе метафора становится одним из способов воздействия на массы, поэтому анализ метафорических моделей «дает возможность выявить скрытые установки и цели» говорящего [Эпштейн, 2008: 152].

Информирующая функция политического дискурса реализуется на основе «институционального взаимодействия между дискурсами политики и СМИ» [Переверзев, Кожемякин, 2008: 77]. Основным способом функционирования политической коммуникации является публицистический дискурс, позволяющий, по мнению Д. Грейбера, распространить информацию среди реципиентов и создать политическую реальность в их

сознании [Грейбер, 1981: 197]. Е.И. Шейгал подчеркивает, что здесь важен сам «язык политики», который он понимает как особую структурированную совокупность знаков, образующих семиотическое пространство политического дискурса [Шейгал, 2000: 94].

Таким образом, существуют широкий (Кибрик, Плунгян [2002]; Е.И. Шейгал [2004]) и узкий (Т. ван Дейк [1989; 2013] и др.) подходы к определению термина «политический дискурс». В рамках политической метафорологии дискурс рассматривается и как совокупность текстов, представляющих общение политиков в институциональной политической обстановке (узкое определение), и как совокупность текстов на политические темы (широкое определение). В процессе анализа метафорических моделей, формирующих конкретный образ страны и концептуализирующих политическую действительность, будем исходить из широкого определения политического дискурса.

1.2.2. Общая характеристика неолиберального дискурса

Неолиберализм представляет собой неклассическое продолжение традиционной либеральной идеологии. Первые идеи неолиберализма, как отмечает Д. Стедмен-Джоунз, были предложены политическим философом Ф. фон Хайеком, создавшим в 1947 г. Общество Мон-Пелерин, куда входили М. Фридмен, Л. фон Мизес, К. Поппер и др. [Стедмен-Джоунз, 2017: 28]. Их главной целью являлась защита либеральных ценностей, в частности, индивидуальной свободы, а также противодействие распространению кейсианства (экономической теории, согласно которой необходимо государственное регулирование развития экономики) [Там же: 29].

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. в США и Великобритании появляется новая идеология, продвигающая поощрение предпринимательской активности, конкуренции, иностранных инвестиций, появление конкурирующих индивидов и групп интересов и исчезновение

форм социальной солидарности в целом [Харви, 2007: 35–36]. Программа неолиберализма в данный период представляла собой «альтернативу радикальным социалистическим теориям и должна была способствовать <...> трансформации "капитализма эпохи свободной конкуренции" в общество с "социальной экономикой", основанной на частной собственности и регулируемых рыночных отношениях» (цит. по: [Пантин, 2008: 182]).

Рыночные отношения в неолиберализме, как отмечает О.Ф. Русакова, «являются основой системы этических норм, достаточной для регулирования всех человеческих действий» [Русакова, 2012: 259]. Неолибералы середины XX в. понимают под обществом с рыночным регулированием «общество, в котором регулятивным принципом выступает не столько товарный обмен, сколько механизмы конкуренции», что называют «информантной властью общества» (цит. по: [Мюрберг, 2020]). При этом важно отметить, что суть неолиберальной практики заключается «не в том, чтобы экстраполировать логику рыночных, конкурентных отношений на самые разнообразные сферы общественной жизни, <...> а в том, чтобы переделать ментальность индивида по лекалам конкурентной борьбы» [Русакова, 2016: 265].

Наиболее яркими идеологами неолиберализма считают Дж. Кейнса, А. Хансена, Дж. Гэлбрейт и др. Представители данного течения выражают взгляды реформистски настроенных слоев общества, продвигают идеи минимизации участия государства в экономике, приватизации госпредприятий. Последствиями такой политики являются уменьшение социальных гарантий, усиление социального расслоения общества, сужение демократического пространства [Русакова, Хмелинин, 2012: 259–260].

Неолиберальный дискурс, наряду с иными разновидностями политического дискурса, определяется позициями и концепциями, служащими для продвижения определенной идеологии в жизнь. Представим его основные признаки как идеологически направленного дискурса.

1. Следование современным западным ценностям

Представители неолиберального дискурса ориентируется на современные западные ценности, что часто в текстах и высказываниях выражается в отречении от традиционных культурных ценностей той страны, в которой представители ведут свою деятельность, или в отказе от их существования в этой стране. Как следствие, это предполагает непреложную поддержку политики стран-носителей своих идей, зачастую действующей в ущерб интересам собственной страны. Приведем в качестве примера известное высказывание Т.Н. Толстой, в котором контрастно сопоставляются положения дел в сфере науки и образования в России и Запада: «...на Западе буржуазное общество старше, оно уже переболело многими болезнями. Там есть общество и уважение по многим другим линиям: по линии человеческого достоинства, прав человека. Там есть академическая жизнь, наука и образование. И ты не будешь покупать себе диплом в переходе под Манежной площадью, а пойдешь в колледж. А у нас это все очень свежее, смехотворное, и к тому же держится на ниточке...» (Толстая Т.Н. Пара слов о гламуре / беседу вела Ю. Идлис // ПОЛИТ.РУ. 2006).

2. Направленность на массового адресата

Неолиберальный дискурс, учитывая плюрализм мнений и «свободу в выборе средств самовыражения» [Русакова, 2012: 261], наиболее радикально ориентирован на массовое сознание адресата. Распространение политических идей является в нем выражением политического мировоззрения доступным для адресата способом. Как правило, при воздействии на широкие массы читателей и слушателей, неолиберальные представители преподносят свою точку зрения как единственно правильную, а для убеждения большего количества адресатов и распространения своих положений используют различные лингвопрагматические тактики (одностороннего освещения событий, иронии, подачи диффамирующей информации и др.) и средства (вопросно-ответную форму, риторические восклицания и др.). Так, следующее обращение Д.Л. Быкова к массовому читателю построено на использовании приемов диалогизации монолога: «Вы

спрашиваете, верю ли я, во что пишу? Что Россия – радикально антиисторическая страна? Верю. Вся российская история – это средство воздержания от истории. Запад движется по прямой, а мы нет» (Быков Д.Л. Россия – это болото. Но оно не горит / беседу вел А. Силаев // Вечерний Красноярск. 2008).

Неолиберальный дискурс, как и другие разновидности политического дискурса, связан с «жанрами реагирования» (массмедиа), что позволяет ему оказывать влияние на общественное сознание.

3. Использование манипулятивных технологий и приемов

Исходя из положения М. Фуко о том, что дискурс – это инструмент реализации манипулятивных, в широком смысле любых императивных, намерений [Фуко, 1996: 47–49], необходимо отметить, что дискурс неолиберализма отличается спектром манипулятивных технологий. Из наиболее частых приемов, используемых неолиберальными представителями в публицистических текстах и телевизионных выступлениях, можно отметить следующие (опираясь на классификацию А.Н. Хомского): переключение внимания на темы, не связанные с насущными проблемами; метод «проблема-реакция-решение»; отсрочка исполнения (перенесение решения); обращение к народу как к малым детям; акцент на эмоции; культивирование посредственности (и побуждение восторгаться ей); усиление чувства собственной вины и др. [Хомский, 2011]. Кроме того, Т.А. ван Дейк выделяет контекстуальные рамки манипуляции, характерные для дискурса идеологических течений, в том числе для неолиберального дискурса: подчеркивание превосходства представителей дискурса и их позиций; дискредитация противоположных убеждений; указание на какие-либо недостатки и слабые стороны реципиентов; аргументация, влияющая на эмоции реципиента; фокус на новых убеждениях под видом новых знаний и т.д. [Дейк Т.А. ван, 2013: 277–275]. Приведем в пример субъективное бездоказательное высказывание Т.Н. Толстой о сомнительности территориальных границ страны, ее истории

и связанной с этим трудностью самоидентификации: *Затруднена самоидентификация: язык, этнос, территория и история, – все оспорено и подвергнуто сомнению. Короче, сейчас такое время, когда попытка самоопределиться в этом хаосе делается каждым индивидуально...* (Толстая Т.Н. Русский мир // Толстая Т.Н. День. М.: Эксмо, 2010).

4. Дискредитирующие суждения (приписывание мишени наиболее негативных качеств)

В условиях информационно-психологической войны среди представителей неолиберального дискурса наблюдается включение в свои тексты тактик дискредитации истории России, ее внешней и внутренней политики и символов, понимаемых нами как особые знаки (например, герб, гимн, флаг) и элементы страны (русский народ, власть), олицетворяющие самобытность и национальный суверенитет. Тактики дискредитации, основанные на использовании словесных ярлыков и бездоказательном приравнивании действий российских войск действиям нацистов используются в следующем высказывании Ю.Л. Нестеренко: *А Россия развязала агрессию против Грузии и до сих пор, в нарушение подписанных ее же президентом соглашений, держат оккупационные войска на грузинской территории. Более того активно продвигается идея присоединения Южной Осетии – то есть аннексия грузинских земель. Это наглая, беспардонная агрессия аналогом которой являются действия нацистов во время начала Второй мировой войны...* (Юрий Нестеренко о России, Западе и эмиграции / беседу вел Алекс Григорьев // Голос Америки. 2011).

Таким образом, неолиберальный публицистический дискурс является одним из инструментов продвижения конкретной идеологии в условиях информационно-психологической войны. О.Ф. Русакова определяет неолиберальный дискурс как «совокупность тщательно разработанных авторитетных текстов, содержащих ключевые концепты, постулаты, стратегические установки» [Русакова, 2012: 14–15]. Уточним это определение следующим образом: неолиберальный дискурс – это тип

политического дискурса, для которого характерны следование современным западным ценностям в ориентации воздействия на массового адресата и широкое использование манипулятивных технологий и приемов, основанных, как правило, на дискредитации России и приписывании ей негативно-оценочных (пейоративных) качеств.

1.3. Из истории исследования образа России на материале политического дискурса

Использование метафоры в политическом дискурсе позволяет говорящему конструировать определенный образ страны, понимаемый И.С. Семененко как знаковая модель, «опосредующая представления о национально-государственной общности и ее членах через доступные обыденному сознанию понятия и суждения» [Семененко, 2008: 9]. Суть метафоры в данном случае, по мнению Ц. Ялинь, заключается в определенном воздействии на сознание адресатов и достижении конкретной цели (сознательной манипуляции и др.) [Ялинь, 2021: 20].

Интерес к проблемам формирования и функционирования образа страны в разных типах дискурса существует на протяжении нескольких десятков лет (Э.А. Галумов [2003], Г.Г. Почепцов [2004], В.К. Якунин [2009], Р.И. Зарипов [2015], М.Э. Татаринев [2020] и др.). Многочисленные лингвистические работы, посвященные образу России, выполнены **на материале** не только российского (А.Н. Баранов [1991], Э.В. Будаев [2006], А.П. Чудинов [2008] и др.), но и зарубежного политического дискурса (Н.А. Красильникова [2010], А.А. Алексеева [2012], Е.Л. Орлова [2012] и др.). К примеру, И.А. Дьяченко, Т.А. Королева и О.П. Петрухина характеризуют доминирующие лексические средства, формирующие образ России, на материале выступлений американского государственного деятеля Д.Д. Трампа за 2017–2019 гг. Результаты исследования позволяют сделать вывод о следующих семантических составляющих образа России в дискурсе

политика: 'Россия – союзник США', 'соперник США', 'источник угрозы' и т.д. Так, доказано, что ключевыми языковыми средствами являются прямые и отрицательно-оценочные номинации (по [И.А. Дьяченко и др., 2019]).

А.А. Пшенкин, анализируя метафорический образ России и СССР в американских СМИ с 1950-х по 2000-е года, пришел к выводу о зависимости формирующегося образа от конкретного исторического этапа. В ходе развития отношений между двумя странами, Россией и Америкой, появлялись разные метафорические модели [Пшенкин, 2006]. Это значит, что современное представление о стране и используемые политические метафоры значительно отличаются от тех, что были актуальны в предыдущие эпохи. К этому же выводу пришел Э.В. Будаев, который провел когнитивный анализ более пяти тысяч политических метафор в британских и российских газетах с 2000 по 2005 год [Будаев, 2006; 2020]. В последнее время наблюдается увеличение числа работ, учитывающих ситуационное изменение метафорического образа какой-либо страны [Дубин, 2018; Нагуманова, 2019].

Образ страны на материале зарубежного политического дискурса часто рассматривается в лингвомагологическом аспекте: изучается восприятие страны жителями и политиками другой страны [Куданкина, 2005; Светоносова, 2006; Орлова, 2012]. Так, в статье Е.А. Литвиновой «Метафорический образ России во французском политическом дискурсе» описаны характерные языковые маркеры и метафорические модели, использующиеся для презентации образа [Литвинова, 2009]. Автор приходит к выводу, что большинство представителей данного дискурса для создания образа России используют метафоры, обладающие отрицательно-оценочным потенциалом, что «предопределяет концептуализацию внеязыковой действительности, формирует во французском обществе <...> настороженное отношение к России» [Там же: 49].

Об образе России в зарубежном политическом дискурсе пишет и Е.Л. Орлова, рассматривающая метафорические модели на примере

немецких СМИ [Орлова, 2012]. Исследователь также приходит к выводу о формировании отрицательного образа России: в метафорических образах обнаруживается общая стратегия дискредитации России, реализуемая при помощи тактики персонификации критики и актуализации признака «свой-чужой» [Там же: 49].

А.А. Алексеева характеризует представления о России в картине мира носителей русского, французского и английского языков [Алексеева, 2012]. Проведенное ею исследование доказывает, что функционирование образа страны зависит от возникающих различий в языковой системе, менталитете, идеологии, целях субъектов воздействия и других факторов.

Содержание и используемые подходы в исследованиях образа страны различны. Так, **по характеру методологии исследования** выделяются работы с экспериментальными и неэкспериментальными методами. В последних осуществляется общий лингвистический анализ текстов (высказываний) представителей политического дискурса, в которых наиболее отчетливо формируется образ страны, без применения лингвистических экспериментов [Баранов и др., 2004: 8]. Использование неэкспериментальных методов характерно для исследования Л.П. Юздовой, которая рассматривает концепты «Россия», «Народ», «Государство» и др. на материале устных и письменных политических текстов председателя Центрального комитета Коммунистической партии Российской Федерации Г.А. Зюганова [Юздова, 2017]. Для нас важен вывод исследователя о различии вербализаторов (средств, позволяющих выстроить необходимый образ) в разных типах политического дискурса [Там же: 509].

Назовем также статью М.В. Гавриловой, в которой изучается инаугурационная речь Президента России в качестве специфического жанра российского политического дискурса [Гаврилова, 2006]. Автор анализирует способы построения ключевых образов политического дискурса, значение использования метафорических моделей; выполняет сравнительное исследование личностных вариаций образов в Инаугурационных

выступлениях российских президентов. Другой пример – работа О.И. Шарафутдиновой, которая использует количественный метод исследования и характеризует образ России в выступлениях Президента Российской Федерации В.В. Путина за 2016–2017 гг. [Шарафутдинова, 2017]. Исследователь заключает, что образ России подобен образу «государства», персонификацией которого является «президент» (иными словами, определенные образы связаны друг с другом) [Там же: 77].

Экспериментальные методы в исследованиях образа страны предполагают анализ данных, полученных от респондентов с применением психолингвистических и социополитических методов: интервью, опроса, анкетирования и др. Например, в статье «Образ России под углом зрения политических коммуникаций» [Пищева и др., 2010] представлены результаты исследования рассматриваемого образа, полученные в ходе интервью с политической элитой (политики, депутаты и др.). С.И. Белов также анализирует языковой образ России на материалах экспертных интервью. Его исследование показало доминирование в польском историко-политическом дискурсе негативного представления страны, заданного культурными стереотипами [Белов, 2020]. А.А. Алексеева на основе полученных ею данных ассоциативного эксперимента, анализирует лексические и фразеологические репрезентанты образа России, выявляя различия в обыденном сознании носителей русского, французского и английского языков [Алексеева, 2012].

Работы, посвященные исследованию образа страны, различаются также **в зависимости от типа дискурса**, в котором этот образ конструируется. Образ России обладает «национально-культурной маркированностью» [Воркачев, 2006: 146], поэтому при его анализе учитывают различия в статусно-ролевых характеристиках носителей: в частности, причастность к определенному типу общественного сознания и дискурсу (неолиберальному, патриотическому и др.) [Там же: 150]. Так, в уже упомянутой статье «Образ России под углом зрения политических

коммуникаций» [Пищева и др., 2010] авторы пишут о зависимости образа от типа дискурса: образы России в сознании рядовых граждан и представителей политической элиты (депутатов Государственной Думы Российской Федерации) кардинально отличаются друг от друга (последние используют те языковые маркеры и лингвопрагматические средства, которые позволяют создать оптимистичный образ).

Исследователи подчеркивают, что представители политического дискурса для создания определенного образа страны чаще всего используют совершенно разные языковые маркеры (метафоры, эпитеты, сравнения и др.) и лингвопрагматические средства (речевые стратегии и тактики) (см.: Гаврилова [2006]; Абрамова, [2010]; Пименова [2010]; Демкина [2020]). Так, О.В. Гневэк отмечает, что при конструировании образа страны имеется «конкретный и вполне определённый состав вербализаторов, который расширяется или сужается» [Гневэк, 2011: 536–537]. Отдельно стоит отметить работу И.А. Юрьевой, в которой определяются пути и характер трансформации образа России на основе анализа лексической структуры текстовых фрагментов различных периодов (XX – начало XXI вв.) [Юрьева, 2008].

Во многих исследованиях с помощью сопоставительного метода анализируются и общие черты дискурсов при конструировании образа страны. Например, В.А. Касамара и А.А. Сорокина обнаружили, что респонденты двух исследуемых групп (политическая элита и маргиналы) продемонстрировали схожесть дискурсов в использовании определенных речевых оборотов, лексики и эмоциональной окраски, используемых для создания образа России [Касамара, Сорокина, 2011]. Иными словами, одни и те же средства создания образа используются в разных видах политического дискурса (к примеру, в патриотическом и неолиберальном), но направлены на реализации разных коммуникативных намерений.

Таким образом, исследование образа страны (в частности, России) чрезвычайно актуально в политическом дискурсе. Усиливающийся интерес

к этому образу объясняется тем, что формирование того или иного оценочного образа в период информационно-психологической войны значимо как средство воздействия на общественное сознание. В ситуации войны распространяются идеи неполноценности страны-соперника, делается акцент на ее недостатках, умалчиваются или даже намеренно дискредитируются достоинства.

Несмотря на активные исследования в области политической лингвистики метафорическим моделям, конструирующим образ той или иной страны, уделяется недостаточное внимание – как правило, характеризуются отдельные речевые тактики и средства создания образа страны в политическом дискурсе, понимаемом широко (без учета его видов), и на ограниченном материале (чаще всего СМИ или высказываний конкретной личности). Исследованию закономерностей использования метафорических моделей в конкретном типе политического дискурса, в том числе неолиберальном, внимание не уделялось.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Аналитическое рассмотрение теоретико-методологических основ изучения метафоры в политическом дискурсе, предполагающее осмысление и характеристику трех ключевых понятий исследования (политическая метафора, политический дискурс и образ страны), позволяет нам сформулировать следующие выводы.

Выявлено, что в политической лингвистике метафора изучается в трех аспектах: 1) риторико-стилистическом, для которого характерно понимание метафоры как тропа; 2) лингвокогнитивном, в рамках которого метафора осмысливается как один из способов моделирования и оценки окружающего мира; 3) дискурсивном – направленным на исследование метафоры как лингвосоциального феномена, реализующегося в различных типах дискурса.

Метафора в политическом дискурсе обладает рядом функций: она способна категоризировать и концептуализировать политическую действительность (когнитивная функция); убеждать в определенных политических воззрениях (аргументативная функция); создавать модель политической реальности (моделирующая функция); вуалировать потенциально критические положения в высказывании (эвфемистическая функция); выражать оценки, в том числе эмоциональные (оценочная функция); воздействовать на широкие массы, способствуя доступному объяснению сложных конструктов (популяризаторская функция); отражать характерный «вкус эпохи» (эстетическая функция).

Прослеживаются два подхода к определению термина «политический дискурс»: узкий подход, в соответствии с которым политический дискурс понимается как дискурс общения политиков, ограниченного профессиональными рамками и политической обстановкой; широкий подход, позволяющий к политическому дискурсу относить любые тексты политической тематики.

С учетом отмеченного выше и принятого в работе когнитивно-дискурсивного подхода политическая метафора определяется нами как средство образного выражения мысли в политическом дискурсе, основанное на уподоблении онтологически разных предметов и отражающее процесс оценочного моделирования мира. Уподобление в метафоре осуществляется на основе модели *X это Y*, где X – это поле-цель (мишень), а Y – элемент сферы-источника (понятийного поля).

Неолиберальный дискурс является разновидностью политического дискурса. Для него характерны следующие особенности, направленные на продвижение идеологии неолиберализма и создание специфического образа страны в условиях информационно-психологической войны: следование современным западным ценностям, направленность на массового адресата, использование манипулятивных технологий и приемов, включая дискредитирующие то, что составляет национальные и духовные устои страны и ее народа. На основании этого неолиберальный дискурс определен нами как тип политического дискурса, являющийся одним из инструментов продвижения идеологии в условиях информационно-психологической войны, основанной на следовании современным западным ценностям. Неолиберальный дискурс реализуется посредством СМИ, что позволяет его участникам эффективно распространять информацию и создавать определенную политическую реальность в сознании реципиентов.

Образ страны как знаковая модель представления о национально-государственной общности и ее элементах является центральным в текстах политического дискурса. В научных работах по политической лингвистике метафоры, используемые при моделировании данного образа, классифицируются на основании взаимосвязи области-источника и области-цели; выделения образных компонентов, связывающих первичные и вторичные значения охватываемых моделями единиц; отдельных фреймов сферы-источника. Классификация по сферам-источникам появления метафоры (на основании семантических свойств) используется во многих

работах в области этого научного направления. В соответствии с ней выделяют метафору антропоморфную, природоморфную, социоморфную и артефактную.

Лингвистические работы, рассматривающие образ страны, классифицируются нами по нескольким основаниям: 1) по материалу исследования (работы, выполненные на материале отечественного или зарубежного политического дискурса); 2) по характеру методологии исследования (работы с экспериментальными или не экспериментальными методами); 3) в зависимости от типа исследуемого дискурса (такие исследования чаще всего направлены на выявление тактик и собственно языковых средств создания образа страны в конкретном типе дискурса).

Повышенный интерес к изучению образа страны в политическом дискурсе обусловлен динамично развивающейся российской действительностью в условиях информационно-психологических войн.

ГЛАВА 2. МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В НЕОЛИБЕРАЛЬНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Общая характеристика метафор, моделирующих образ России, в неолиберальном публицистическом дискурсе

В публицистических текстах представителей неолиберального дискурса для формирования негативно-оценочного образа России наиболее активно используются антропоморфная, социоморфная, природоморфная и артефактная метафоры, анализ которых представлен в следующих параграфах.

Для описания типологических и функциональных особенностей метафорических моделей конструирования образа России были отобраны метафорические контексты из текстов следующих наиболее ярких представителей неолиберального дискурса:

1) Виктор Владимирович Ерофеев (19 сентября 1947 г.) – российский писатель, литературовед, теле- и радиоведущий; до 2011 года вел на канале «Культура» авторскую программу «Апокриф», на данный момент является ведущим программы «Энциклопедия русской души» на радио «Свобода», названной по аналогии с одноименным романом писателя;

2) Татьяна Никитична Толстая (3 мая 1951 г.) – российская писательница, публицист, литературный критик, телеведущая интеллектуальной передачи «Школа злословия»;

3) Дмитрий Львович Быков (20 декабря 1967 г.) – российский писатель и публицист, литературный критик, политический мыслитель и активист; вел авторские программы на радиостанциях «Юности», «Сити-FM», «Коммерсантъ FM», «Один»;

4) Юрий Леонидович Нестеренко (9 октября 1972 г.) – американский писатель-фантаст и сатирик русского происхождения, автор ряда

публицистических статей, в том числе о России и ее символах («О русской национальной идее», «Для чего русским распад России?», «Исход» и др.); с 2018 года получил американское гражданство и взял имя Джордж Юрий Райт, однако продолжает писать статьи на русском языке, дискредитирующие страну и ее символы (Нестеренко Ю.Л. Важнейшая профессия. 2018; Нестеренко Ю.Л. Тридцать тысяч хороших русских. 2020 и др.).

Названные современные авторы являются медийными персонами, чье мнение важно для их целевой аудитории, и яркими языковыми личностями, в творчестве которых образ России является одним из центральных, что придает материалу высокую лингвистическую информативность.

В речи представителей неолиберального дискурса четко прослеживается генеральная линия дискредитации патриотических движений России, истории и достижений ее народа, внешней и внутренней политики, русской православной церкви, идей имперской России и соответствующих символов, то есть всего того, что составляет национальные интересы государства (см. [Доктрина, 2016]). Таким образом, Россия в их публицистике является основной мишенью.

Анализ высказываний названных лингвоперсон позволяет сделать вывод, что для моделирования негативного образа России неолиберальные представители часто обращаются к различным видам политических метафор. Ими используются как конвергентные метафоры, представляющие собой тесное взаимодействие (сплетение) двух видов метафор, так и неконвергентные, т. н. «чистые», метафоры, относящиеся к единственной понятийной сфере. Процентное соотношение таких метафор представлено на рисунке 1:

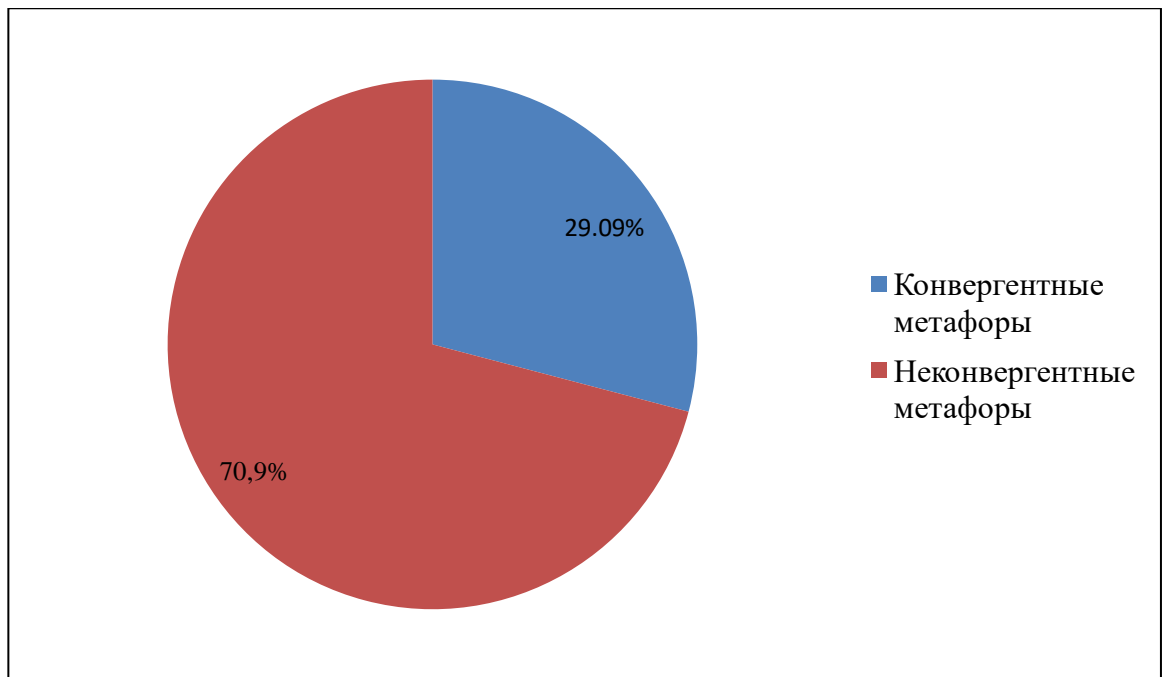
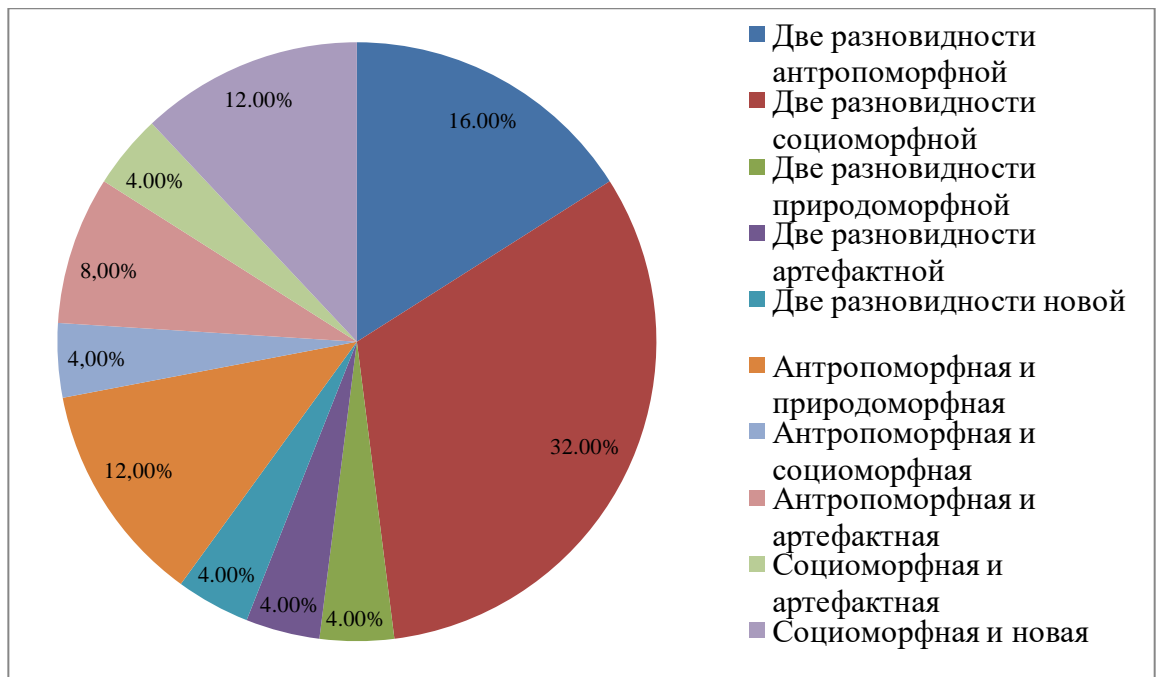

Рис.1. Соотношение высказываний с конвергентными и неконвергентными метафорами (на материале текстов представителей неолиберального дискурса – В.В. Ерофеева, Т.Н. Толстой, Д.Л. Быкова, Ю.Л. Нестеренко)

Как показывает диаграмма, неолиберальные представители обычно обращаются к неконвергентным метафорам: она представлена в 70,9 % метафорических высказываний. Конвергентные метафоры встречаются в 29,09 % высказываниях, где представляют собой соединение двух видов политической метафор или разновидностей метафоры одного вида. Частотность конвергентных метафор разного типа показана на рисунке 2:

Рис. 2. Частотность конвергентных метафор в высказываниях В.В. Ерофеева, Т.Н. Толстой, Д.Л. Быкова и Ю.Л. Нестеренко, лист 44

Так, из выявленных метафорических высказываний наиболее частотными среди конвергентных моделей являются соединения двух разновидностей антропоморфных (16%) и социоморфных (32%) метафор. В меньшей степени представлены контаминации антропоморфной и природоморфной, социоморфной и новой (ранее не описанной в классификациях политических метафор в связи с непринадлежностью к одной из существующих понятийных сфер: топонимическая, абстрактная, научная и пространственная модели) метафор (12%), а также конвергенция антропоморфной и артефактной метафор (8%). В единичных высказываниях неолиберальных представителей встречаются контаминации антропоморфной и социоморфной, социоморфной и артефактной, а также двух разновидностей природоморфной, артефактной и новой метафор (4%).

Неконвергентные метафоры подразделяем в зависимости от отношения к понятийной сфере (сфере-источнику) – антропоморфной, социоморфной, природоморфной или артефактной. Частотность различных видов политических метафор в публицистических текстах В.В. Ерофеева, Т.Н. Толстой, Д.Л. Быкова и Ю.Л. Нестеренко представлена на рисунке 3.

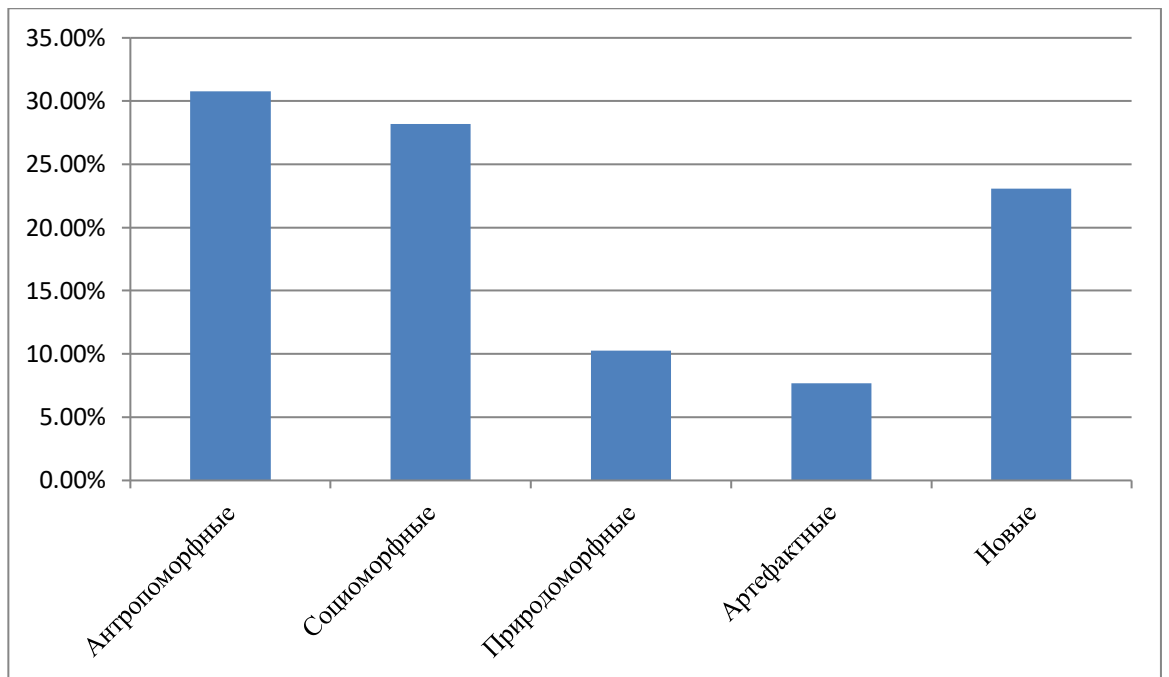

Рис. 3. Частотность политических метафор разного типа в высказываниях В.В. Ерофеева, Т.Н. Толстой, Д.Л. Быкова и Ю.Л. Нестеренко

Как показывает диаграмма, из неконвергентных метафор неолиберальные представители чаще всего обращаются к антропоморфным метафорам (30,76 %). Социоморфная метафора практически в равном процентном соотношении встречалась в контекстах (28,2 %). Природоморфная метафора встречается реже, чем артефактные и социоморфные (10,25 %). Артефактная политическая метафора практически не характерна для неолиберального дискурса (7,69 %). Новые (не терминологические ранее) политические метафоры (топонимические, абстрактные, научные и пространственные) в контекстах составили 23,07 % и рассмотрены нами отдельно.

Функциональные особенности выявленных политических метафор, конструирующих образ России в неолиберальном публицистическом дискурсе (их прагматический потенциал), рассмотрим в следующем параграфе.

2.2. Типы и функциональные особенности метафор, моделирующих образ России, в публицистических текстах представителей неолиберального дискурса

2.2.1 Лингвопрагматическая функция: понятие и типы

Лингвопрагматической функцией называем способность языковой/речевой единицы «к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию», а точнее «результат функционирования данной единицы во взаимодействии с ее средой» [Бондарко, 1987: 195].

Лингвопрагматические функции политических метафор, выделяемые нами в ходе анализа контекстов, подразделяются на **общие**, то есть свойственные метафорам различного типа независимо от дискурса (когнитивная, аргументативная, моделирующая, эвфемистическая, оценочная, популяризаторская, эстетическая функции), и **специфические** – являющиеся ведущими у метафор в текстах неолиберального дискурса.

Далее рассмотрим специфические функции политических метафор в неолиберальном дискурсе.

2.2.2. Антропоморфная политическая метафора

Образ России в высказываниях представителей неолиберального дискурса наиболее полно конструируется посредством использования антропоморфной метафоры, которая, согласно А.П. Чудинову, выстраивает политическую действительность «в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических и иных действий и потребностей, своих генетических и иных связей с собственными родственниками» [Чудинов, 2001]. Так, ученый выделяет следующие ее виды: физиологическая, морбиальная, сексуальная, метафора родства

[Там же: 58]. В своих публицистических текстах представители неолиберального дискурса используют антропоморфную метафору для наделения образа страны человеческими качествами. Такая метафора позволяет перенести на политическую действительность принципы структурирования форм организма, личности, социального уклада и пр. Рассмотрим особенности использования разновидностей антропоморфной метафоры при конструировании образа России на примере конкретных высказываний.

В политических текстах неолиберальных представителей Россия часто наделяется качествами и чертами характера, присущими человеку. Для этого публицисты включают в свои высказывания **психические метафоры**, которые, насколько нам известно, ранее не были представлены в классификациях политических метафор. Во многом это объясняется ее тесной связью с морбиальной метафорой, обладающей схожими функциями. Данная разновидность в неолиберальном дискурсе позволяет представить страну в образе личности со своими чертами (чаще отрицательными) и выразить отношение к российской действительности. Например:

Страна не такова, чтобы ей соответствовать! Ее надо тащить за собой, дуру толстожопую, косную! Вот сейчас, может, руководство пытается соответствовать, быть таким же блядским, как народ, тупым, как народ, таким же отсталым, как народ... (Т. Толстая о России и русских // Пятая либеральная колонна: Вся правда. 2014).

В известном высказывании Т.Н. Толстой Россия наделяется человеческими качествами: она объявляется «дурой толстожопой», «косной». На основе данных характеристик можно выделить метафорическую модель с определенным фреймом – «единицей знаний, организованной вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащих данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия» [Кубрякова и др., 1996: 188] (иными словами, – отдельной понятийной областью).

Источником антропоморфной психической модели «Россия – дура» в данном случае является субсфера «человек», которая отличается фреймом «психические качества». Стоит отметить, что в метафорической модели реализуются антропоморфные характеристики не только психического (Россия объявляется «косной»), но и физиологического свойства («толстожопая»). Обращение к антропоморфной метафоре и соответствующим характеристикам страны, а также использование инвективной («толстожопая», «блядский») и грубо-просторечной («дура») лексики позволяет адресанту дать крайне негативную оценку России. В данном случае психическая метафора обладает пейоративно-оценочной (негативно-моделирующей) функцией, которая определяется нами как функция выражения крайне уничижительных, дискредитирующих мишень оценок. Обратим внимание, что при моделировании образа России в неолиберальном дискурсе метафоры относятся не только к самой стране, но и к связанным с ней символам. Так, в приведенном примере заключена негативная оценка народа и правительства («народ/правительство – "блядское", "тупое", "отсталое" общество»).

В России пробиться к правде труднее, чем где-либо. В какой еще стране хранители архивов дружно лгут тебе в лицо, уверяя, что нужных тебе документов не существует в природе? Но они же <...> тайно, с черного хода, в нарушение всех правил и рискуя своим положением, вынесут тебе «несуществующий» документ и, удовлетворив твое любопытство, автоматически введут тебя самого в круг посвященных, лгущих, не имеющих права проговориться. Ты будешь отныне связан круговой порукой двойного стандарта. Ты будешь сам лгать новым, непосвященным искателям истины. И если ты проболтаешься, то ты подведешь людей, доверивших тебе тайну; напротив, ложь станет гарантией твоей порядочности. Такова Россия... (Толстая Т.Н. Русский мир // Толстая Т.Н. День. М.: Эксмо, 2010).

В высказывании представлено объемное развертывание антропоморфной модели «Россия – лживая (лгущая) страна», заключающей в себе психическую метафору. Использование метафоры этого типа в политической речи позволяет дать резко негативную оценку современной политической действительности (пейоративно-оценочная функция) и способствует развертыванию иррациональной аргументации, основанной на апелляции к чувству возмущения, негодования. Такую функцию мы называем иррационально-аргументирующей, что предполагает конструирование метафорического образа посредством использования аргументов, апеллирующих к чувствам (психологических, или иррациональных, аргументов), а не рациональных доводов (см. [Анисимова, 2002: 103–112]). Развертывание модели осуществляется с помощью дополнительных образов – это «хранители архивов» и народ, которого посвящают «в круг <...> лгущих». Стоит отметить, что в данном случае нарушается лингвопрагматическая категория количества, заключающаяся в умалчивании информации (по [Иванов, 2003: 495-497]), поскольку для реципиента остается неизвестным, какие «хранители архивов» подразумеваются, но при этом ему дается возможность додумывать смысл в нужном ключе.

Тут, конечно, тоже нет ничего неожиданного – Россия, как известно, врет всегда, и со степенью наглости ее лжи, опять же как всегда, может соперничать только степень ее же тупости (Нестеренко Ю.Л. Тридцать тысяч хороших русских. 2020. URL: https://vk.com/wall-20655745_5669).

В представленном отрывке публицистической статьи Ю.Л. Нестеренко, как и в предыдущем примере, развертывается психическая метафора «Россия – лгущая страна», но в соединении с характеристикой страны как «тупой» («...степень ее же тупости»), то есть отклоняющейся от нормы (подобные характеристики в неолиберальном дискурсе заключают в себе морбиальные метафоры). Крайне негативная оценка страны, которая создается посредством включения антропоморфной метафоры, выполняющей

пейоративно-оценочную функцию, приводит к унижению достоинств мишени, причем в тексте отсутствуют какие-либо фактические данные.

Власть, государство до такой степени отвлеклось, до такой степени забыло, как живут люди на самом деле, что все время делает неверные телодвижения. Жадность, с одной стороны, и полное наплевательство, с другой, приводят к тому, что начинается социальный взрыв. А у нас такая страна – если рванет, так уж мало не покажется, и не хотелось бы, чтобы это произошло (Толстая Т.Н. Пара слов о гламуре / беседа вела Ю. Идлис // ПОЛИТ.РУ. 2006).

В данном тексте образ страны конструируется на основе соответствующих символов – власти и государства. Используется антропоморфная психическая метафора «Россия – жадная, равнодушная страна», ведущей функцией которой, как и в предыдущих примерах, является пейоративно-оценочная функция. Политическая метафора в совокупности с языковыми средствами, являющимися интенсификаторами описываемых действий (*до такой степени отвлеклось, до такой степени забыло; уж мало не покажется*), позволяет выразить адресанту эмоциональное, критическое отношение к российскому государству и власти.

Таким образом, в неолиберальных текстах с помощью психических метафор Россия предстает в образе личности, обладающей крайне негативными качествами и характеристиками. Проведенный анализ позволяет выделить ведущие функции психической метафоры – пейоративно-оценочную и иррационально-агрументирующую функции, которые в неолиберальном дискурсе направлены на общую стратегию дискредитации мишени.

Физиологическая метафора как разновидность антропоморфной также встречается в публицистических текстах неолиберальных представителей о России. Ее использование позволяет моделировать образ страны как цельный организм либо же наделять ее конкретными физиологическими свойствами. Представляя Россию как организм или тело,

неолиберальные представители не продвигают идею о единстве или нерасторжимости мишени, для чего обычно служит физиологическая метафора (см. [Чудинов, 2001: 59]). В высказываниях, содержащих подобные модели, прослеживается мысль о неполноценности страны.

*Образ России как **транвестита** преследует меня... Действительно, она борется со своим полом. И порой это у неё получалось: мы знаем ряд победоносных войн, совсем не женскую тиранию, победы в космосе и на земле. Но философия транвестита – это философия вечного поиска. Потому что утрата одной природы еще не означает обретение новой. Постоянная срединная ситуация, беспокойство. Мы поисковый аппарат, который все время ищет себя и свой смысл* (Ерофеев В.В. Россия как транвестит / беседу вел В. Печейкин // Электронный журнал «КВИР». 2014).

Модель «Россия – транвестит» относится к физиологическим метафорам с фреймом «физиологические качества», который обладает в политическом контексте теми же функциями, что и выявленный ранее исследователями фрейм «физиологические действия» (см. [Чудинов, 2001: 65]). Так, образ России в приведенном высказывании наделяется не только мужскими качествами (участие и победы в войнах, «тирания» и др.), но и женскими, что проявляется в приписывании стране признаков постоянно сомневающегося человека. Физиологическая метафора дополнительно связывается с психической характеристикой («Но философия транвестита – это философия вечного поиска...»), что позволяет адресанту создать образ России как сомневающейся («ищущей себя») страны. Негативная оценка проявляется имплицитно с помощью представленной метафорической модели: очевидно уничижительное преуменьшение достоинств мишени (силы, значимости, масштабности страны). Таким образом, физиологическая метафора обладает в данном примере пейоративно-оценочной функцией.

*Тайна России в том, что это **женственная страна, которая хочет быть мужественной. И это получается у нее, только если она меняет свою***

природу. <...> *Наша действительность только делает вид, что она мужская: на самом деле это женщина, переодетая мужчиной. Поэтому роль мужчин у нас весьма неопределенна: вроде бы он "берет все на себя", но, с другой стороны, у него фатально все не получается* (Ерофеев В.В. *Россия как трансвестит / беседу вел В. Печейкин // Электронный журнал «КВИР».* 2014).

В приведенном высказывании используется метафора, также относящаяся к фрейму «физиологические качества»: «Россия – "женщина, переодетая мужчиной"». Негативная оценка, по сравнению с предыдущим примером, выражается с помощью тактики акцентирования внимания на особо значимой информации: многократно повторяется качество «женскости» в ее противопоставлении с «мужественностью» (сочетание антитезы с повтором). Аналогичным образом повторяются характеристики страны – сомнение, неопределенность: «...роль мужчин у нас весьма неопределенна». Так, физиологическая метафора в совокупности с ярлыками, направленными на уничтожение мишени, выполняет пейоративно-оценочную функцию.

*Раньше, условно говоря, советская власть – это был плохой человек. У плохого человека всегда есть шанс исправиться. А **постсоветская Россия – это труп плохого человека**, в котором заводятся в основном микробы. Пока здесь что-то новое народится – из этой почвы уже <...>, должно пройти некоторое время. Но помните, что если зерно, падши в землю, не умрет, то оно никогда и не воскреснет. Поэтому мы сегодня должны превратиться* (Быков Д.Л. О "болезненной" России. «Эхо Москвы», 2016. URL: <https://echo.msk.ru/programs/odin/archive/43/>).

В представленном высказывании публицист, используя прием контраста, сравнивает страну в двух исторических периодах – советском и постсоветском (современном). Д.Л. Быков неодобрительно отзывается о каждом периоде, при этом отмечая, что у советской России как у плохого человека был «шанс исправиться» (в данном случае используется метафора

человека). Современная же Россия – это «труп плохого человека» (физиологическая метафора, относящаяся к слоту «Рождение, смерть и смежные концепты» (см. [Чудинов, 2001: 65–66]), в котором при этом «заводятся <...> микробы»). Тем самым метафора одновременно является градацией-климаксом, внедряющим мысль о болезненности, ослаблении России, выполняющей роль аргумента для последующего побуждения к определенным действиям: «Поэтому мы сегодня должны превратиться». Данную функциональную особенность метафоры можно определить как функцию создания категоричной тональности текста. Отметим, что в примере используется также аллюзия на высказывание из Нового Завета, намеренно искажающая его истинный смысл за счет включения в политическую сферу: «Но помните, что если зерно, падши в землю, не умрет, то оно никогда и не воскреснет» (в Евангелие от Иоанна – «Аще зерно пшенично пад на земли не умрет, едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит» (Ин. 12:24)).

Сегодняшняя Россия – это тяжелое дыхание бюджетницы, которая выбралась в Турцию. Она идет по жаре, презирает турок и всех, кто на родине, ненавидит это яркое небо, под которым она так потеет (Дмитрий Быков о себе, Бунине и России // «Аргументы и факты». 2016. URL: <https://clck.ru/hihS7>).

Для конструирования образа России используется физиологическая метафора с фреймом «физиологические действия»: «Россия – дыхание бюджетницы». Метафора разворачивается с помощью эпитета «тяжелое» и слов, обозначающих отрицательные характеристики, качества («презирает», «ненавидит», «потеет»). Сопоставление публицистом действий страны с поведением «бюджетницы» на курорте в Турции, отличающимся чванством и надменностью, позволяет говорить о выполнении метафорой пейоративно-оценочной функции.

Самое ужасное, что при этом значительная, <...> очень зловонная часть наиболее злых, наиболее утесненных людей – они громче других

кричат, что мы переживаем расцвет. Ну, бывает так. Когда организм болен, то в нем ликуют болезнетворные микробы, и они кричат, что они переживают расцвет. Но этот их расцвет оборачивается гибелью для организма (Быков Д.Л. О "болезненной" России. «Эхо Москвы», 2016. URL: <https://echo.msk.ru/programs/odin/archive/43/>).

Метафоры предваряются оценочным высказыванием о той части россиян, которая верит в «расцвет» страны, выполняя роль аргумента: используются модель «Россия – больной организм», представляющая собой соединение физиологической и морбиальной метафор, и модель «Российское общество – микробы», которую можно отнести к природоморфным метафорам. Метафора выполняет иррационально-аргументирующую функцию, продвигая бездоказательный тезис, который обосновывается аргументом к страху («расцвет оборачивается гибелью для организма»). Наряду с антитезой (мы – «они») она позволяет публицисту выразить критическую оценку современной России, которая находится в «болезненном» состоянии, ведущем к «гибели» (пейоративно-оценочная функция).

Таким образом, в высказываниях, включающих физиологические метафоры, Россия предстает неопределившейся в своем пути, неполноценной страной. Ведущей, как и в случае с психическими метафорами, является пейоративно-оценочная функция, направленная на выражение критической оценки современной российской действительности. Кроме того, для физиологических метафор характерны функция создания категоричной тональности текста и иррационально-аргументирующая функция, связанная с продвижением бездоказательной мысли о неполноценности страны.

Нередко в публицистике неолибералов используется **морбиальная метафора**, приписывающая российскому обществу раны и болезни. Главная идея, продвигаемая представителями рассматриваемого дискурса, – это ненормальность, неполноценность России, которую уже невозможно изменить (вылечить). Приведем примеры.

Россия считает себя исключительной, но не потому, что это помогает ей счастливо жить. Нет, счастливо в ней никогда не жили. А потому, что она не может быть нормальной, как все. Ведь если бы она была такая, как другие страны, крымской истории не случилось бы ни в середине позапрошлого века, ни сейчас (Ерофеев В.В. Назначенные враги и друзья России. DWNews, 2016. URL: <https://inlnk.ru/gozoKo>).

В приведенном высказывании осуществляется развертывание морбиальной метафоры «Россия – ненормальная страна», обладающей пейоративно-оценочной функцией. Для выражения уничижительной оценки используется также антитеза («Россия» – «другие страны») и приводится доказательство «от противного» («...если бы она была такая, как другие страны, крымской истории не случилось бы ни в середине позапрошлого века, ни сейчас»).

Я сделал вывод, что бесполезно и безнадежно пытаться в России что-то изменить к лучшему. Поскольку власти в России не причина – они следствие. Российское общество глубоко больное, поэтому оно воспроизводит эти режимы (Юрий Нестеренко о России, Западе и эмиграции / беседу вел Алекс Григорьев // Голос Америки. 2011).

С помощью морбиальной метафоры «Российский народ – больное общество» Ю.Л. Нестеренко упрекает россиян (народ как составляющую страны) в поддержке современного политического режима, против которого выступают неолиберальные представители, и неспособности «что-то изменить к лучшему». Как и в предыдущем случае, ведущей для политической метафоры является пейоративно-оценочная функция.

Всегда все вокруг у России были виноваты. Воевали с поляками, боролись с евреями, с бунтующими студентами, какое-то время с немцами, сейчас корень зла – в американцах и т.д. Когда этот «внешний враг» внедрен окончательно в головы людей, наступает полная беда. Потому что совесть, как бы, чиста: дескать, обижают тебя, а не ты обижаешь. В общем-то, это – форма шизофрении. Поведение шизофреника неадекватно реальной

ситуации (Ерофеев В.В. Эксклюзивное интервью для УНИАН / беседу вела Л. Козова // УНИАН. 2015).

В представленном высказывании основным средством конструирования образа страны является морбиальная метафора «Россия – шизофреник», передающая мысль о психической неполноценности страны. Ведущей в данном примере является резюмирующая функция метафоры – функция проявления метафоры в качестве вывода в рассуждениях адресанта. Метафора выполняет также пейоративно-оценочную функцию: поступки России и ее народа оказываются «формой шизофреники», «поведением шизофреника». Отрицательная оценка выражена также лексемами военной тематики («воевали», «внешний враг»).

Недавно кто-то остроумно заметил, что Россия – страна с непредсказуемым прошлым. Это очень верно, и это очень удобно: каждый придумывает собственное прошлое, собственную историю этого сумасшедшего дома, и один рассказ ничуть не лучше и не правильнее другого, прошлых столько, сколько вы хотите (Толстая Т.Н. Русский мир // Толстая Т.Н. День. М.: Эксмо, 2010).

В данном тексте используется метафорическая модель «Россия – сумасшедший дом» и эпитет «непредсказуемый» применительно к прошлому страны. Такая модель в политических высказываниях получает двойное содержание: она реализуется как морбиальная и как артефактная метафора (метафора дома, организации), причем вводится с помощью приема, основанного на умолчании источника информации (*кто-то... заметил*). Так, метафора выполняет иррационально-аргументирующую функцию, поскольку позволяет автору уйти от приведения подтверждающих тезис фактов и заменить их негативно-создаваемым образом.

Русские – это чума. Обычно я называю их раком человечества, но в данном случае это даже не метафора, а медицинский факт в самом буквальном смысле (Нестеренко Ю.Л. Чума // Detroit.RU. 2019. URL: <https://clck.ru/hkJ3P>).

Морбиальная метафора может быть узкой направленности, что часто выражается через описание России как конкретной болезни. К примеру, в наиболее радикальных высказываниях Ю.Л. Нестеренко морбиальные модели позволяют дать критическую оценку без включения каких-либо аргументов и фактов (пейоративно-оценочная функция), так как реципиент при прочтении подобных идей невольно будет ассоциировать болезни, включающие негативную коннотацию, с современной ему действительностью. В приведенном отрывке используются модели «Русские – чума» и «Русские – рак человечества», предполагающие дальнейшее отречение адресатов от описываемой больной нации. Таким образом, политическая метафора участвует в создании категоричной тональности текста.

*В России никогда не было времени счастья, порядка, процветания. Вся история этого **рака человеческой расы** – хроника массового насилия, совершавшегося порочной и самовлюблённой властью. Люди здесь – плебеи. <...> Тупые и злобные **твари**, которые считают, что кругом враги и предатели...* (Нестеренко Ю.Л. Нечто прекрасное о русском народе и России. // LiveJournal. 2014. URL: <https://clck.ru/hkQXp>).

Ю.Л. Нестеренко с помощью политической метафоры крайне негативно оценивает не только российскую действительность, но и историю страны, ее народ и власть. Основным средством оценки служит морбиальная метафора «Россия – рак человеческой расы», обладающая пейоративно-оценочной функцией. Помимо морбиальной метафоры публицист использует эпитет «плебеи» по отношению к российскому народу, а также зооморфную метафору «Российский народ – твари», также выполняющую пейоративно-оценочную функцию. Россия в оценке публициста предстает несчастным, хаотичным государством («...никогда не было времени счастья, порядка, процветания»), чья кровавая история («хроника массового насилия») создавалась «порочной и самовлюблённой властью». Тезис, как и аргумент,

вводится с помощью манипулятивного приема генерализации («никогда не было», «вся история»), придающего тексту категорическую тональность.

Анализ публицистических текстов с морбиальными метафорами позволяет сделать вывод о том, что неолиберальные представители моделируют образ страны через ее уподобление болезням и отклонениям. Ведущей функцией морбиальной метафоры как разновидности антропоморфной является пейоративно-оценочная функция, но в некоторых случаях метафора обладает резюмирующей функцией (служит в качестве вывода в рассуждениях адресанта), функцией создания категоричной тональности текста (предваряет утверждение для создания особой категоричной тональности) и иррационально-аргументирующей функцией (продвигает скрытую мысль на основе замены логических аргументов психологическими).

Метафорические модели, формирующие образ России как конкретного человека или личности, относящейся к определенному социальному слою (**метафоры человека**), достаточно редко встречаются в публицистических текстах неолибералов. Это объясняется возможностью ее замены психическими и физиологическими метафорами, когда характеристики и свойства человека переносятся на страну. Примером включения метафоры человека может послужить следующее рассуждение:

Россия сейчас на пенсии. Для нее характерны все черты пенсионера, а именно:

- 1. Она хочет ничего не делать, и чтобы все ее за это уважали. <...>*
- 2. У нее все в прошлом. В нем она имела великие заслуги – культурные, научные и военные. Теперь ее главное занятие – напоминание об этих заслугах, борьба за них... <...>*
- 3. Как уже было сказано, она все время брюзжит. Ей все не нравится – Восток, Запад, свои, чужие, – потому что в душе она сама ужасно себе не нравится. <...>*

4. *Старческое скопидомство. <...> Тратим только на то, чтобы произвести впечатление. <...>*

5. *Страх и враждебность относительно всего нового. Цепляемся за старые вещи и обычаи, новыми пользуемся, как айфоном, но скрыто ненавидим.*

Все перечисленное превращает Россию в классического старца, который во вчерашнем дне не уверен, сегодняшний ненавидит, а о завтрашнем не думает вовсе, потому что его может и не быть (Быков Д.Л. Песнь заполярного огурца. О литературе, любви, будущем. М.: Эксмо, 2018. 320 с.).

Метафору человека «Россия – пенсионер», развертывающуюся в публицистическом труде Д.Л. Быкова, можно условно представить как соединение психической и физиологической метафоры. Представляя страну как человека, а именно старца (то есть осмысляя ее человеческую сущность), Д.Л. Быков по пунктам описывает ее психические характеристики, которые сводятся к лени, заикливости на прошлом, недовольству, скопидомству, враждебности к новому. При этом автор акцентирует внимание на том, что Россия как старец «застряла» в прошлом со своими предыдущими заслугами, а сегодняшний день для нее нетерпим. Вывод, формируемый Д.Л. Быковым радикален: Россия «во вчерашнем дне не уверена, сегодняшний ненавидит, а о завтрашнем не думает вовсе, потому что его может и не быть».

Таким образом, можно говорить о том, что метафора человека в контексте обладает функциями иррационально-аргументирующей (с помощью метафорического психологически отталкивающего образа раскрывается сформулированный публицистом тезис) и пейоративно-оценочной (создается негативно-оценочный образ мишени).

Редко встречаемой метафорой в неолиберальном дискурсе является **антропоморфная метафора родства**, которая конструирует образ России как члена семьи, например:

Родина-мать перекодируется в мать-пьяницу <...>. И вот на протяжении всего последнего года Отечество – как отдельные его граждане, так и образ страны в целом – все чаще напоминает мне эту немолодую мать-одиночку, развязавшуюся алкоголичку, которая вышла на мировую арену и пылко, страстно, с глазами на мокром месте разглагольствует о международном положении (Быков Д.Л. Мать моя вся в саже. Профиль, 2015. №48. URL: <https://inlnk.ru/707011>).

По мнению Д.Л. Быкова, один из ключевых русских образов, родина-мать, в современной ситуации «перекодируется в мать-пьяницу». Модель «Россия – мать-пьяница/алкоголичка» необычна для включения в текст, поскольку представляет собой конвергенцию метафоры родства и морбиальной метафоры. Происходит искажение национального образа, что характерно для неолиберальных представителей. В высказывании антропоморфная метафора выполняет функцию создания гиперболического образа. Тезис о том, что Россия занимает на мировой арене крайне низкую позицию, подтверждается не рациональными аргументами, а оценочными суждениями, в которых используются негативно-оценочные эпитеты («пьяница», «алкоголичка»), и интенсификаторами действий (*вошла ... пылко, страстно, с глазами на мокром месте разглагольствует*) конструирующей ее пейоративный гиперболический образ.

Таким образом, включение в неолиберальный дискурс антропоморфной метафоры позволяет моделировать образ современной России как неправильной, неполноценной страны, что вызвано ее физическими или душевными болезнями. Тем самым основной функцией антропоморфной метафоры (психической, физиологической и морбиальной как ее разновидностей), как показал анализ, является пейоративно-оценочная функция. Использование антропоморфной метафоры позволяет выстроить общую стратегию дискредитации страны, дать современной российской действительности крайне негативную, уничижительную оценку. Из других специфических функций отмечены: иррационально-аргументирующая

функция, позволяющая осуществить подмену фактов оценочными образами, основанными на психологических аргументах, скрыто выразить критическую оценку мишени, то есть осуществлять воздействие иррациональным путем (модели «Россия – лживая страна»; «Россия – больной организм»; «Россия – сумасшедший дом»; «Россия – рак человеческой расы»; «Россия – пенсионер»); функция создания категоричной тональности текста, состоящей в ультимативной подаче тезиса-метафоры (в отдельных случаях ее выполняет физиологическая модель «Россия – труп плохого человека» и морбиальные модели «Русские – чума» и «Русские – рак человечества»); функция создания гиперболического образа, представляющая собой функцию моделирования современного образа страны за счет преувеличения ее негативных характеристик (характерна для метафоры родства «Россия – мать-пьяница»).

2.2.3. Социоморфная политическая метафора

В высказываниях представителей неолиберального дискурса также значима социоморфная метафора, конструирующая негативный образ России.

А.П. Чудинов выделяет следующие виды социоморфной метафоры: криминальная, милитарная, театральная, спортивная и игровая метафоры. Ученый указывает на возможность выделения и других моделей – например, экономических метафор или метафор изобразительного искусства [Чудинов, 2001]. Источником данных политических метафор является субсфера «социум», связанная с тем, что в современном российском национальном сознании политическая деятельность часто структурируется на основе общественных концептов [Там же: 95]. Приведем примеры функционирования разновидностей социоморфной метафоры.

Криминальная метафора как разновидность антропоморфной встречается в текстах неолиберальных представителей, в которых образ России и ее элементы (народ, власть) моделируется как преступное

сообщество. Данный вид метафоры мы смогли выделить только в одном высказывании. Ее редкое использование среди неолибералов объясняется, на наш взгляд, неактуальностью для описания современной российской действительности, так как криминальные метафоры, по замечанию А.П. Чудинова, были крайне распространены в политических текстах предшествующего времени [Чудинов, 2001: 96].

*В России очень много фиговых листков. <...> Здесь дело не в том, что ты делаешь, а в том, инструментом чего ты можешь явиться: инструментом репрессии, инструментом наказания... Тебя повернут таким образом, как "они" хотят. И это – самое страшное, потому что ты не принадлежишь самому себе, ты являешься объектом государственного интереса... Вот, например, ты поднял в метро шапку, чтобы подать ее человеку, а тебе говорят: "Ты украл ее...". И в эту секунду ты становишься **криминальным элементом**. А другой пример: ты в театре раздел актрису, она побегала полминуты по сцене, и тебе сказали, что ты оскорбил чувства всех порядочных людей (Ерофеев В.В. О культуре и ее отношениях с властью / беседу вел Ю. Решето // «Deutsche Welle». 2017).*

В тексте наряду с психической метафорической моделью «Россия – бесстыдная страна», развертывающейся с помощью характерных языковых маркеров (в частности, фразеологизма «фиговый лист» в значении 'прикрытие чего-либо заведомо бесстыдного, нечестного' [Малый академический словарь, 1981–1984]), в высказывании функционирует и криминальная социоморфная метафора «Россия – преступное общество». Для структурной организации информации, содержащей негативную оценку, говорящий приводит ряд примеров с воровством и оскорблением чувств, показывающих, почему в России народ является «объектом государственного интереса» и «криминальным элементом». Выявленная метафорическая модель, таким образом, обладает общей негативно-оценочной функцией, поскольку позволяет дать социальную оценку политической ситуации

и усиливать пессимистические настроения: образ страны конструируется как преступный мир, где нет места гуманистическим отношениям.

Спортивная метафора была выявлена в двух текстах используемого материала. Она тесно связана с другой – игровой метафорой (см. [Чудинов, 2001: 122]). Так, в политическом дискурсе современная действительность может моделироваться как спортивное состязание. Однако в неолиберальном дискурсе критерий соперничества, характерный для спортивной метафоры, трансформируется: в выявленных нами примерах нет игровых элементов, а в следующем высказывании борьба происходит даже не с потенциальными соперниками. Например:

В России, как и на Западе, жизнь – это бег на длинные дистанции, испытание. Но на Западе это лишь бег, у нас же – бег с препятствиями. Мы тратим много времени на преодоление государственных препятствий, в сущности, мы больше боремся с препятствиями вместо того, чтобы бежать. Цель Навального – сократить число препятствий на пути российского бегуна. Государственная власть в свою очередь лишь предлагает новые (Ерофеев В.В. О Путине во Frankfurter Allgemeine. Inopressa, 2021. URL: <https://inlnk.ru/ND5D0v>).

Спортивная метафора «Россия – страна соревнований по бегу с препятствиями» воплощает смысл о тяжелой жизни в России, испытании, где «препятствия», с которыми необходимо бороться, создаются государственной властью. Метафора обладает функцией создания семантического контраста, то есть участвует в оформлении речевого контраста в высказывании: современная действительность России (маркируется отрицательно) противопоставляется Западу (маркируется положительно).

Россия демонстрирует феноменальные боксерские и вообще warrior's, бойцовские качества, когда она сражается с внешней агрессией. А с внутренней никаких не демонстрирует. Это очень печально, но почему?

Потому что чужому легче сопротивляться (Быков Д.Л. Выпуск «Один» от 22.10.2021. «Живой гвоздь», 2021. URL: <https://blogs.7iskusstv.com/?p=95231>).

В высказывании используется соединение военной и спортивной (описание «боксерских» качеств) метафор, воплощающих метафорическую модель «Россия – боец». Как и в предыдущем случае, спортивная метафора обладает функцией создания семантического контраста, в котором Россия маркируется отрицательно. Языковые единицы, участвующие в создании контраста, наряду с метафорой, – это эпитеты к слову «агрессия» *внутренняя* и *внешняя*, способствующие передаче идеи о необходимости бороться с «внутренними» врагами России.

Таким образом, спортивная метафора в неолиберальном дискурсе передает смыслы о том, что жизнь в России представляет собой непреодолимую борьбу с препятствиями. Ведущей функцией такой метафоры является функция создания смыслового контраста, в котором Россия маркируется отрицательно.

В публицистических текстах неолиберального дискурса нередко встречаются метафоры, связанные с искусством и творческой деятельностью. Чаще всего используются **театральные метафоры**, представляющие жизнь в России как однообразный на всех исторических этапах спектакль, что в политическом контексте несет негативный смысл. Приведем примеры.

Русская политика есть пьеса. Она разыгрывается в разных декорациях, но без больших композиционных изменений, – случаются разве что стилистические. В четные века – жесточе, в нечетные, когда память еще свежа, – помягче. Вместо тоталитаризма абсолютизм, и вся разница. Русский мир есть большой зрительный зал, в котором эту пьесу смотрят <...> Это не очень интересная, довольно кровавая и не самая оптимистическая пьеса (Быков Д.Л. Думание мира. Как быть и ничего не делать. М.: Русская жизнь, 2007. URL <http://rulife.ru/old/mode/article/447/>).

Для оценки современной российской действительности Д.Л. Быков использует театральные метафоры – «Русская политика – пьеса» и «Русский

мир – зрительный зал». А.П. Чудинов отмечает, что понятийное поле «театр» связано с акцентированием на «несамостоятельности «актеров», противоестественности и «неподлинности» происходящих событий» [Чудинов, 2001: 8]. В данном же примере представление о стране и ее символах как о спектакле повышает экспрессивность текста и позволяет «смягчить» критическое высказывание. Публицист выражает мысль о том, что в современной России не происходят какие-либо изменения, в том числе в политической сфере: «Вместо тоталитаризма абсолютизм, и вся разница». Развивая тактику намека, Д.Л. Быков делает вывод о том, что описываемая пьеса (российская действительность) горькая и жестокая. Таким образом, выделенная метафора выполняет иррационально-аргументирующую функцию: образный тезис развертывается в тексте с помощью эмоционально-оценочных аргументов («довольно кровавая <...> пьеса» – аргумент к страху).

Конечно, если бы публика приняла участие в представлении, она могла бы проголосовать за другую пьесу. Например, за «Вестсайдскую историю», «Французскую любовь», «Варшавскую мелодию»... Но она смотрит «Русскую трагикомедию», потому что ни выбирать, ни голосовать не любит. Большая часть зрителей, если честно, вообще давно уже занимается своими делами, не обращая на пьесу особого внимания. Шуришат бумажками, обмениваются биноклями, дерутся, пересмеиваются, курят. На сцене тоже не особенно заботятся о зрителе и не снисходят до того, чтобы обеспечивать обратную связь (Быков Д.Л. Думание мира. Как быть и ничего не делать. М.: Русская жизнь, 2007. URL <http://rulife.ru/old/mode/article/447/>).

Театральная метафора, используемая в рассматриваемой статье Д.Л. Быкова, разворачивается на протяжении всего текста. Помимо описания российской действительности, которое во многом создается с помощью социоморфной модели «Российская действительность – "Русская трагикомедия"», публицист критикует русский народ за равнодушие,

включая метафору «Русский народ – публика/зрители». Так, по замечанию Д.Л. Быкова, зрители «давно уже занимаются своими делами», и их поведение сравнимо с российскими властями, которые «не снисходят до того, чтобы обеспечивать обратную связь». Таким образом, метафора, как и в предыдущем случае, обладает иррационально-аргументирующей функцией (аргумент к стыду), что позволяет адресанту, создавая метафорический образ театра, выразить скрытую мысль о политической жизни страны и народа.

Российское общество – это общество спектакля. Классическое. Оно наблюдает за тем, как на его глазах разыгрывается в который раз одна и та же четырехактная драма – революция, заморозок, оттепель, застой. Это общество не участвует в драме, оно – свидетель, поэтому только первые ряды партнера иногда уходят на авансцену во время, например, революции и их убивают первыми. В основном это один и тот же набор нишевых персонажей в истории (Быков Д.Л. Россия – это общество спектакля / беседу вел В. Радионов // программа «Без обид». 2016).

В высказывании используются театральные метафоры «Россия – спектакль», «Российское общество – зритель» и «Российская действительность – четырехактная драма». Театральные метафоры в иррационально-аргументирующей функции доносят до адресата мысль о неизменности жизни в России, для которой характерны «революция, заморозок, оттепель, застой» и общества, которое безучастно к ее истории и событиям.

Таким образом, два ключевых смысла, которые несет театральная метафора, – это равнодушие государственной власти и пассивность народа, а также застой современной российской действительности. Ведущей функцией данной разновидности метафоры является иррационально-аргументирующая, то есть функция придания иррационального характера аргументации для продвижения скрытой идеи и воздействия на реципиента с помощью метафорических образов. Политическая жизнь, власть и народ

в публицистических текстах неолиберального дискурса, соответственно, изображаются в виде театральных представлений, актеров и зрителей.

Неолиберальные представители используют также **литературные метафоры**, позволяющие конструировать образ России как сказочное пространство или сравнивать страну с литературным произведением или героем. Подобные виды мы относим к социоморфным метафорам, поскольку данные модели предполагают обращение к образам из сферы национальных искусств. В работах, посвященных политической метафорологии, нами не были замечены примеры литературной метафоры, что объясняется ее схожестью с приемом аллюзии и тесной связью с театральной метафорой, представляющей страну как спектакль, вымысел. Такая связь прослеживается в следующих высказываниях.

*Да, в отличие от рационального в своих основах Запада **Россия – это сказка**. У нее нет и не было истории, вместо нее идет **сказочный спектакль**. Со временем меняются актеры, но не роли. **Роль царя в нашей сказке играет сегодня Путин**. В русской сказке народ обожествляет царя, что значит, что на выборах он отдает ему свой голос. **Царь завоевывает земли, забирает себе Крым, мечтает о стране с границами Советского Союза** (Ерофеев В.В. О Путине во Frankfurter Allgemeine. Inopressa, 2021. URL: <https://inlnk.ru/ND5D0v>).*

В тексте видим несколько социоморфных моделей: «Россия – сказка» (литературная метафора с фреймом «литературные жанры»), «Российская история – сказочный спектакль» (соединение театральной и литературной метафор) и «Путин – царь» (литературная метафора с фреймом «литературные герои»). Использование образов из знакомых реципиенту сфер (в данном случае – национальной литературы) коммуникативно направлено на то, чтобы заинтересовать адресата и убедить его в наличии пороков у страны. Метафорический образ заменяет аргументацию тезисов, основанных на негации: у России нет и не было истории, нету у нее рациональных основ. Этот образ способствует скрытому продвижению

тезисов, выполняя суггестивную функцию (от «суггестия» – «скрытое вторжение в ментально-интенциональную сферу человека» [Алимурадов, Хасуева, 2010: 371]). Так, в отрывке В.В. Ерофеев представляет Россию как вымышленное пространство, где никогда не было реальной истории. В описываемой сказке главным персонажем предстает президент В.В. Путин, которому приписывается роль царя.

*Я вообще считаю, что **Россия – это сказочная страна**. Я пытался это найти в романе «Энциклопедия русской души», где речь идет именно о том, что вся **наша страна – это сказка**. И все там, наверху, те, кто сейчас, и бывшие, и мертвые, когда на них помотришь, сразу понятно, что они – сказки. Только их разгадать нельзя. И сказки это не самые добрые* (Ерофеев В.В. Секс – метафора стиля нашей жизни / беседу вел К. Завалин // 48.ru. 2011. URL: <https://clck.ru/hnFGZ>).

Объясняя смысл своего романа «Энциклопедия русской души», В.В. Ерофеев использует литературные метафоры «Россия – сказочная страна» и «Российские власти – сказки», которые, как и в предыдущем случае, направлены на негативную оценку страны. Литературные метафоры представляют Россию как вымышленное пространство, а ее руководство на разных этапах исторического развития («те, кто сейчас, и бывшие, и мертвые») – сказками, которые «нельзя разгадать» (то есть невозможно понять его истинные намерения). Литературные метафоры позволяют публицисту скрыто выразить идеи, дискредитирующие власть, то есть выполняют суггестивную функцию.

Россия – это такая заколдованная волшебная сказка с очень жестокими законами**. И она была такой еще со времен Московского царства. И ее никто не **расколдовал (В. Ерофеев об аннексии Крыма, дворцовом перевороте в Кремле и Путине-либерале / беседу вел Н. Княжицкий // Новостной портал «Эспрессо». 2017).

Идеи о неизменности и застое России являются одними из ключевых в публицистических текстах неолиберальных представителей. Так,

в приведенном высказывании вновь прослеживается критическая оценка российской действительности. Литературная метафора «Россия – волшебная сказка» выполняет негативно-моделирующую функцию. Страна в представлении В.В. Ерофеева является вымышленным пространством, которому публицист дает отрицательную характеристику с помощью эпитета с наречием-интенсификатором – «с очень жестокими законами». Лексема «расколдовать», относимая к сказочной сфере, в политическом тексте получает негативную коннотацию: внедряется мысль о том, что российскую действительность необходимо изменить, что еще не было осуществлено. Тем самым метафора выполняет суггестивную функцию, образно продвигая идеи о смене власти.

*Мне кажется, что у России нет истории. Россия – самая антиисторическая страна на свете. **Россия – это волшебная сказка, все её персонажи заморожены в волшебстве.** Роли те же самые, только исполнители другие. Сначала были цари, затем они стали первыми секретарями ЦК КПСС, потом они стали президентами России, но ничего не изменилось. И Иван-дурак такой же, и Алёнушка, и серый волк, и все они расписаны. Старшие братья – олигархи, средние братья – средний класс, Иван-дурак... Я не нашёл никакой истории в России, мне кажется, этого не существует (Ерофеев В.В. О родине, Власове и сказке / беседу вела Н. Дроздова // НЕВСКИЕ НОВОСТИ. 2018).*

Как и в предыдущих высказываниях, в данном случае реализуется часто используемая неолиберальными представителями модель «Россия – сказочная страна» с фреймом «литературные жанры». Метафора играет роль аргумента и позволяет раскрыть тезис об «антиисторичности» страны, который объясняется через сказочные образы. Поскольку адресантом привлекаются не исторические личности, а литературные герои и понятия («волшебная сказка», «цари», «Иван-дурак», «Аленушка», «серый волк» и др.), можно утверждать, что политическая метафора в тексте обладает также суггестивной функцией, поскольку позволяет донести идею через

знакомые для реципиента образы. В целом литературная метафора, отрицательная характеристика России как «антиисторической» страны и лексемы из политической сферы («секретари ЦК КПСС», «президенты», «олигархи», «средний класс»), позволяют повысить экспрессивность текста и выразить оценку дискредитируемых понятий (в рассматриваемом высказывании – это «Россия» и «история»).

*Я недавно отчетливо понял, что **Россия – это миф**, и мы все в нем живем. Отчасти мне помог это осознать Алексей Федорович Лосев, чью книгу «Диалектика мифа» я сейчас перечитываю. Там ничего нет по поводу России, но много написано о мифологическом сознании. И вдруг я увидел, что **мы нечто такое архаическое, мифологическое**. У нас есть свои положительные боги и герои, включая Сталина, но есть и отрицательные, включая Чубайса. Целый пантеон. Это сознание, культивировавшееся веками, теперь позволяет держать людей под колпаком (Ерофеев В.В. Я похож на лоскутное одеяло. Читаем вместе, 2011. URL: <https://inlnk.ru/VoNoJV>).*

Литературная метафора с фреймом «литературные жанры» «Россия – это миф» выполняет иррационально-аргументирующую функцию, на что указывает используемый публицистом аргумент к страху – «позволяет держать людей под колпаком». Метафорическая модель включается В.В. Ерофеевым для описания российского сознания. Так, используя ссылку на авторитет – работу А.Ф. Лосева, публицист меняет смысл книги, перенося архаическое (мифологическое) сознание на российское общество. Метафора развертывается в тексте и с помощью сравнения исторических личностей с богами и героями, характерными для мифов: «У нас есть свои положительные боги и герои, включая Сталина, но есть и отрицательные, включая Чубайса. Целый пантеон». В выводе (о том, что такое сознание «позволяет держать людей под колпаком») выражается критическая оценка российской действительности (общая негативно-оценочная функция метафоры).

Русская модель социума – семья Кабанихи, где <...> старшие презирают младших, а младшие ненавидят старших, где все друг другу врут и не исповедуют никакой общей морали, где за униженного не вступятся, но тайком сунут ему конфету. Это нельзя назвать недостатком – или отсутствием – цивилизации; это просто такая цивилизация, главным принципом которой является полная имморальность (Быков Д.Л. Оруэллова недостаточность. Известия, 2009. URL: <https://iz.ru/news/349772>).

Литературная метафора может представлять собой уподобление мишени конкретным персонажам. В представленном высказывании функционирует модель «Российское общество – семья Кабанихи», которая далее объясняется публицистом. Для России, по мнению Д.Л. Быкова, характерны ненависть, ложь, аморальность и жестокость среди народа. Принципом такой цивилизации, как заключает публицист, является «полная имморальность». В данном случае литературная метафора также выполняет функцию создания категоричной тональности текста и суггестивную функцию: она предваряет утверждение для создания особой тональности и влияет на реципиента, который перенесет черты знакомого образа Кабанихи (деспотизм, самодурство) на страну.

Анализ высказываний показал, что литературная метафора в неолиберальном дискурсе служит для объяснения российской действительности через сказочный сценарий. Функциями таких метафор в неолиберальных контекстах являются иррационально-аргументирующая, негативно-моделирующая, суггестивная и функция создания категоричной тональности текста, которые направлены на общую стратегию дискредитации страны посредством ее уподобления литературным героям, обладающим в русском национальном сознании отрицательными характеристиками.

В высказываниях рассматриваемых нами представителей неолиберального дискурса часто наблюдаются **исторические метафоры**, ранее не представленные в работах, посвященных классификации

политических метафор. Историческая метафора – метафора, затрагивающая прошлые события страны, саму современную действительность или ее ближайшее будущее, либо моделирующая страну как историческую личность. Приведем примеры из публицистических текстов.

Однако со временем выяснилось, что Россия – плохой феодал. Она требует не только подчинения, но и присоединения, и при этом действует грубо и жестко. У российского империализма в крови садизм унижения более слабого партнера, младшего брата (Ерофеев В.В. Россия – это не Беларусь. Inopressa, 2020. URL: <https://clck.ru/V9otq>).

Образ России в представленном высказывании конструируется посредством использования социоморфной исторической модели «Россия – плохой феодал». Историческая лексика («феодал», «империализм» и др.) включается В.В. Ерофеевым в связи с развитием тактики неприведения фактических данных, что позволяет повысить экспрессивность текста и тем самым убедить реципиентов в неправильности, жестокости действий страны. Крайне негативная оценка включается в текст с помощью соответствующей лексики: Россия как феодал действует «грубо и жестко»; «у российского империализма в крови садизм унижения...». Главной функцией рассматриваемой социоморфной метафоры, таким образом, является функция создания категоричной тональности текста: используемая публицистом в начале высказывания модель позволяет преподнести бездоказательную критику российской действительности через уподобление ее действий поведению феодала и тем самым придать тексту особую категоричную тональность.

Вы спрашиваете, верю ли я, во что пишу? Что Россия – радикально антиисторическая страна? Верю. Вся российская история – это средство воздержания от истории. Запад движется по прямой, а мы нет (Быков Д.Л. Россия – это болото / беседу вел А. Силаев // Вечерний Красноярск. 2008).

«Антиисторичность» России является одной из центральных идей у неолиберальных представителей. Социоморфная модель «Россия –

антиисторическая страна» используется Д.Л. Быковым для продвижения наиболее радикальных идей: публицист подводит реципиентов к тому, что истории в России нет как таковой («...это средство воздержания от истории»). Эффективность используемой метафоры усиливается за счет приема диалогизации монолога (тем самым высказывание направлено на массового адресата) и оценочной антитезы. Россия, как и во многих текстах неолиберальных представителей, сопоставляется с Западом, который оценивается положительно (функция создания семантического контраста). В данном примере предполагается движение Запада в будущее, наличие у него истории: «Запад движется по прямой, а мы нет».

Россия – это потемкинская деревня. <...> *Дело в том, каким инструментом ты можешь явиться. Ты можешь явиться инструментом репрессии, можешь явиться инструментом наказания. Как ты хочешь – ты не поступишь, тебя повернут таким образом, как они хотят* (Ерофеев В.В. Цензура в России всеобъемлющая, но и одновременно неуловимая / беседу вел Ю. Решето // «Deutsche Welle». 2017).

В представленном высказывании функционирует историческая метафора «Россия – потемкинская деревня». Стоит отметить, что выражение «потемкинская деревня», восходящее к известной исторической легенде о том, как Екатерина II посетила бутафорские деревни ее фаворита Г.А. Потемкина, прочно вошло в употребление в значении «фальшивое благополучие, ложные достижения» [Большой фразеологический словарь, 2006]. Историческая метафора выполняет функцию создания категоричной тональности текста и иррационально-аргументирующую функцию. В.В. Ерофеев предваряет высказывание уподоблением России потемкинской деревне для преподнесения бездоказательной критики (апелляция только к чувствам и эмоциям реципиента) и внедрения идеи о жестокости российских властей, инструментом которой, по мнению публициста, является народ («Как ты хочешь – ты не поступишь, тебя повернут таким образом, как они хотят» – аргумент к страху). К средствам суггестивного воздействия

(суггестивная функция) относятся смысловые повторы («каким инструментом ты можешь явиться»; «ты можешь явиться инструментом репрессии, можешь явиться инструментом наказания»).

Результаты анализа показывают, что прагматический потенциал исторических моделей заключается в уподоблении страны историческим персонажам или фактам для бездоказательного внедрения идей об отсутствии истории у России (иррационально-аргументирующая и суггестивная функция метафоры), оформлении контрастного поля, в котором страна маркируется отрицательно (функция создания семантического контраста), и создании особой категоричной тональности текста (функция создания категоричной тональности).

Таким образом, социоморфная метафора в неолиберальном дискурсе выполняет следующие функции: иррационально-аргументирующую функцию, позволяющую адресанту апеллировать к чувствам и эмоциям реципиента (как правило, лингвистически оформляя аргумент к страху) для продвижения бездоказательной критики мишени в какой-либо форме – в форме театра (театральная метафора), сказки или литературного героя (литературная метафора), исторического лица или понятия (историческая метафора). Криминальным метафорам характерна ярко выраженная пейоративная (негативно-оценочная функция); спортивным – функция создания контраста, где Россия всегда маркируется отрицательно. Помимо упомянутых функций, в нескольких высказываниях метафоры также выполняли функцию создания категоричной тональности текста и суггестивную функцию, представляющую собой популяризацию неолиберальных идей с помощью знакомых реципиенту образов.

2.2.4. Природоморфная политическая метафора

При моделировании образа России представители неолиберального дискурса реже обращаются к субсфере «природа», по сравнению

с понятийными сферами «человек» и «социум». Природоморфные метафоры выстраивают российскую действительность в концептах мира окружающей человека природы. В использованных нами для анализа текста природоморфные метафоры обладают ярко выраженной негативной эмоциональной окраской за счет сравнения страны с животными, растениями, природными явлениями и пр. (см. [Чудинов, 2001: 132]). Рассмотрим подробнее разновидности данной метафоры – фитоморфную и зооморфную.

Фитоморфная метафора в политическом дискурсе предполагает сопоставление роли растений с их значимостью в мифопоэтических представлениях русского народа. Поэтому, как отмечает А.П. Чудинов, для конструируемых с помощью данного вида образов редко характерна негативная коннотация: в большей степени они связаны с «естественностью и непрерывностью развития жизни, близости и взаимосвязанности человека и природы» [Там же: 153]. Однако в неолиберальном дискурсе негативная коннотация ингерентно присуща политической метафоре. Приведем в качестве доказательства некоторые примеры.

Вот Запад, по-моему, сейчас стремится к своей аннигиляции... А Россия – это болото. Но оно не горит. И, может быть, это такое место, которое своим неучастием в истории сберегает всю землю (Быков Д.Л. Россия – это болото / беседу вел А. Силаев // Вечерний Красноярск. 2008).

Обсуждая с интервьюером возможность прогресса в стране, Д.Л. Быков включает в свою речь фитоморфную метафору «Россия – болото». Лексема «болото» в данном случае имеет следующее значение: «все, что характеризуется косностью, застоєм, отсутствием живой деятельности и инициативы» [Малый академический словарь, 1981–1984]. Стоит отметить, что в высказывании публицист не только уподобляет страну болоту, но и включает в речь антифразис – «троп, основанный на принципе контраста и состоящий в употреблении слова или сочетаний слов в значении, противоположном его (их) обычному (языковому, системному) значению»

[Эффективное речевое общение, 2012]. Так, «аннигиляция» Запада воспринимается публицистом положительно, поскольку это означает развитие. Россия же, в отличие от Запада, принимает «неучастие в истории», то есть её прогресс невозможен. Д.Л. Быков приходит к выводу о том, что такое бездействие «сберегает всю землю», намекая на то, что истинные намерения страны могут быть неправильны для мирового сообщества. Таким образом, категоричное утверждение можно рассматривать как средство суггестии. Метафора, выполняющая функцию создания контраста и суггестивную функцию, способствует бездоказательному продвижению мысли (тезиса о негативном образе страны – «Россия – болото»), на что указывают использованные публицистом субтезис: она не участвует в истории.

*Дело в том, что **Россия – это безнадежное болото**, в котором вязнут любые, самые светлые и прогрессивные начинания. Это страна, народ которой – за редчайшим исключением – испытывает искреннюю ненависть и отвращение к свободе, <...> в первую очередь – к своей собственной, а уже только потом и как следствие – к чужой* (Нестеренко Ю.Л. Исход. 2011. URL: <https://clck.ru/iNzXj>).

Фитоморфная метафора «Россия – болото» усилена эпитетом «безнадежное», что направлено на выражение общей пейоративной оценки. Как и в предыдущем примере, метафора выполняет суггестивную функцию, поскольку продвигает идею о застое России с помощью негативно-оценочных субтезисов: «вязнут любые, самые светлые и прогрессивные начинания»; «народ <...> испытывает искреннюю ненависть и отвращение к свободе». Фитоморфная метафора становится наиболее эффективной при включении тактики приписывания оппоненту (в данном случае – российскому народу) определенных мыслей. Так, Ю.Л. Нестеренко бездоказательно утверждает, что россияне ограничены в свободе.

***Россия – дрейфующая льдина.** Она плывет сама по себе. В редкие либеральные времена своей истории она **дрейфует** в сторону западной*

цивилизации, хотя так никогда и не прибилась к тому берегу (Ерофеев В.В. Свет дьявола: География смысла жизни. М.: АСТ: Зебра Е, 2008. URL: <https://clck.ru/iY8cL>).

Фитонимный образ России обладает в политическом контексте эмотивным потенциалом за счет включения метафоры «Россия – дрейфующая льдина». В.В. Ерофеев развертывает метафору с помощью намёка на отделение России от остального мира (страна «плывет сама по себе»). Кроме того, используется прием полиптиота (повторение одного слова в разных грамматических формах: «дрейфующая» – «дрейфует»). Субтезисы («плывет сама по себе», «в редкие либеральные времена <...> дрейфует в сторону западной цивилизации»), развертывающие метафору, способствуют суггестивности воздействия.

Таким образом, фитоморфные метафоры в неолиберальном дискурсе реализуют стратегию дискредитации страны в текстах, скрыто выражающих идеи о застое России и ее отдаленности от остального мира за счет моделирования образа в качестве природных объектов и явлений. Ведущей для данных моделей является суггестивная функция: выполняющие ее метафоры-тезисы развертываются в тексте с помощью бездоказательных аргументов, то есть субтезисов. Из других специфических функций фитоморфной метафоры встретилась функция создания семантического контраста, благодаря которой Россия на фоне Запада маркируется отрицательно.

Зооморфная метафора также встречается в публицистических текстах неолиберальных представителей. Для метафоры этого вида значимы концептуальные векторы жестокости и агрессивности за счет уподобления мишени определенному животному (см. [Чудинов, 2001: 153]), но в изучаемом нами дискурсе данные смыслы не являются ведущими. В отобранных нами примерах нет уподобления России конкретным животным. Например.

Россия – это такой завшивленный слезящийся зверь на кривых лапах, который, чтобы выглядеть прилично, должен сожрать свое потомство (Быков Д.Л. Песнь заполярного огурца. О литературе, любви, будущем. М.: Эксмо, 2018. 320 с.).

Бестиализирующая метафора «Россия – зверь» является разновидностью зооморфной и обладает в высказывании иррационально-аргументирующей функцией (апеллирует к чувству страха). Она терминирована нами бестиализирующей, исходя из названия приема бестиализации – низведения мишени на уровень животных (см. [Сухорада, 2021: 61]). При этом публицист усиливает действие метафоры эпитетами с негативной коннотацией из природоморфной сферы («завшивленный», «слезящийся», «на кривых лапах»). Внедряется мысль о том, что Россия «должна сожрать свое потомство» (то есть буквально уничтожить народ), чтобы «выглядеть прилично». Так, аргументация заменяется иррациональным образом inferнального существа – некоего зверя, способного уничтожать своих детей.

Россия – это такой волк-оборотень, который одинаково успешно бывает и волком, и человеком... Она может, с одной стороны, великолепно контактировать с Талибаном, запрещенным, разумеется, в РФ, что уже многократно подтвердил Сергей Лавров <...>. С другой стороны Россия, все-таки фасадом развернута к западной цивилизации. Вполне договороспособна (Быков Д.Л. О российском пути. «Эхо Москвы», 2021. URL: <http://svop.ru/main/38597/>).

Специфическая модель «Россия – волк-оборотень» в политическом контексте представляет собой соединение зооморфной и антропоморфной метафор. Д.Л. Быков поясняет, что это способность «одинаково успешно быть и волком, и человеком». Использование такой модели позволяет публицисту оценить российскую действительность как противоречивую, двойственную. Россия одновременно способна «великолепно контактировать с Талибаном» и быть повернутой «к западной цивилизации». Такая

характеристика позволяет моделировать отрицательный образ России как непоследовательной страны, которая не может определиться с политическим вектором развития. Ведущей функцией такой конвергентной метафоры является функция создания категоричной тональности текста. Образ России как инфернального существа (волка-оборотня) продвигает тезис о двуличии России, подменяя тем самым его аргументацию.

*У русских нет практически ничего своего – даже лапти, матрешки и ватники(!), даже тот же коммунизм и православие, даже алфавит и само имя, украденное у подлинной Руси-Украины – все чужое. Своя – только подлость, злоба и агрессия, на протяжении всех этих веков. **Россия – это паразит**, всегда питавшийся за счет западной цивилизации и всегда ей же враждебный* (Нестеренко Ю.Л. Страна, несовместимая с жизнью. Новостной портал «7Дней.ру». 2017. URL: <https://clck.ru/iavgy>).

В примере метафора «Россия – паразит» может в равной степени относиться как к зооморфной, так и фитоморфной метафорам, поскольку это понятие из биологической сферы, которое означает «растение или животное, живущее на поверхности или внутри другого организма и питающееся за счет последнего, обычно принося ему вред» [Малый академический словарь, 1981–1984]. В современной политической действительности лексема «паразит» стала использоваться в значении «тот, кто живет чужим трудом; тунеядец» [Там же]. Из этого определения становятся понятны смыслы, которые включает публицист в свой текст: Россия живет только «за счет западной цивилизации», хоть и враждебна к ней; никаких достижений у страны нет, поскольку все национальные элементы и символы («лапти, матрешки...»; «алфавит и само имя»), в том числе исторические («коммунизм и православие»), были ею заимствованы. Заключение о том, что «Россия – это паразит, всегда питавшийся за счет западной цивилизации...» позволяет выделить главную функцию метафоры в тексте – резюмирующую: зооморфная модель предстает в качестве вывода в рассуждениях адресанта.

Проанализированные высказывания позволяют сделать вывод о специфике функционирования зооморфной метафоры в неолиберальном дискурсе, которая чаще всего представлена одним из ее типов – метафорой-бестиализацией («Россия – зверь»; «Россия – волк-оборотень»). Мы выявили три специфические функции, которыми может обладать данная разновидность в политическом контексте: иррационально-аргументирующую (функцию продвижения идеи с помощью эмоционально-оценочных аргументов), функцию создания категоричной тональности текста (функция предварения утверждения для создания пессимистических настроений) и резюмирующую (функция обобщения рассуждений адресанта).

Таким образом, природоморфные метафоры способствуют продвижению идей о застое страны и отсутствию в ней прогрессивных начинаний. Сферы растений и животных, несмотря на нейтральные смыслы, которые они несут, направлены на общую стратегию дискредитации страны и ее символов. В таких текстах уподобление страны природным объектам и явлениям (фитоморфные метафоры) и животным (зооморфные метафоры и их разновидность – бестиализирующие метафоры) чаще всего служит для продвижения скрытой мысли через апеллирование к чувствам и эмоциям адресата (иррационально-аргументирующая и суггестивная функции метафоры) и создания ультимативной тональности (функция создания категоричной тональности текста). В отдельных случаях политические метафоры из природоморфной сферы позволяют выразить негативную оценку мишени через ее включение в смысловое контрастное поле (функция создания семантического контраста, характерная для модели «Россия – болото») и резюмировать критические рассуждения (резюмирующая функция модели «Россия – паразит»). Тем не менее следует отметить, что рассмотренные разновидности в меньшей степени характерны в речи неолибералов, чем артефактные или социоморфные метафоры.

2.2.5. Артефактная политическая метафора

Следующие метафоры, встречаемые в высказываниях представителей неолиберального дискурса, относятся к источнику «Артефакты». Среди артефактных метафор выделяют метафору дома и метафору механизма (см.: [Чудинов, 2001]). Метафорическое представление страны и современной действительности как дома или организации позволяет выразить негативную оценку мишени в политическом дискурсе, в частности, если речь идет про ремонт дома или его разрушение. Метафора механизма относится к техническим метафорам, и причиной ее включения в текст В. Клемперер называет необходимость привести «к мысли о порабощении духа» [Клемперер, 1998: 203]. Данная разновидность не характерна для текстов рассматриваемого дискурса, однако в идеологии неолиберального течения появляются идеи о чрезмерной власти государства и подавлении ею воли народа. Из собранных материалов мы выделили четыре примера использования артефактных метафор, которые выражают подобные идеи. В частности, это метафора дома и близкая по значению метафора сооружения. Рассмотрим их подробнее.

Метафора дома в определении А.П. Чудинова означает «представление общественных реалий и процессов как дома» [Чудинов, 2001: 155]. В неолиберальном дискурсе использование метафоры дома предполагает уподобление России аномальному зданию. Например:

Россия – это большой сумасшедший дом, где на двери висит большой амбарный замок, зато стены нету; где потолки низкие, зато вместо пола – бездна под ногами; где врачи утратили разум, а пациенты по-своему очень хорошо соображают, что к чему, но притворяются ненормальными, и не потому, что хотят угодить врачам, а просто потому, что так интереснее, удобнее и волшебнее... (Толстая Т.Н. Русский мир // Толстая Т.Н. День. М.: Эксмо, 2010).

Модель «Россия – сумасшедший дом» получает в высказывании двойное содержание: она реализуется и как морбиальная, и как артефактная

метафора (метафора дома, организации). Усиливающая метафору предметная лексика позволяет скрыто и бездоказательно выразить критическую идею: *на двери висит большой амбарный замок* (символизируется закрытость России от остального мира), *зато стены нету* (нарушение условий существования народа); *потолки низкие* (узость взглядов), *зато вместо пола – бездна под ногами* (неустойчивость на мировой арене). Поскольку в высказывании встречаются только субтезисы метафорического характера, можно утверждать, что политическая метафора осуществляет суггестивную функцию, продвигая обоснованную не рациональными аргументами мысль о негативном образе страны. Публицист включает метафору не только для «сглаживания» смысла критического высказывания, но и для последующего влияния на реципиента, которому предлагается «расшифровать» закодированные в тексте образы («больные пациенты» – народ; «утратившие разум врачи» – власть).

Бродить по этому дому, рассчитывая свой маршрут и надеясь выйти к запланированному месту, невозможно: логики в русской вселенной нет, двери открываются не ключом, а заклинанием, лестницы нарисованы, схемы лабиринтов меняются без предупреждения (Толстая Т.Н. Русский мир // Толстая Т.Н. День. М.: Эксмо, 2010).

В приведенном высказывании образ России разворачивается как образ дома. Негативно-моделирующая функция метафоры создается с помощью категоричных утверждений о невозможности выйти из него, отсутствии логики, непредсказуемости. В составе развернутой модели используется синтаксический параллелизм: «...двери открываются не ключом, а заклинанием, лестницы нарисованы, схемы лабиринтов меняются без предупреждения». В целом высказывание направлено на общую стратегию дискредитации страны и повышение пессимистических настроений посредством включения завуалированных образов.

Таким образом, метафора дома, встречающаяся в высказываниях Т.Н. Толстой, обладает суггестивной и негативно-моделирующей функцией.

Прагматический потенциал такой метафоры – внедрение мысли о неправильности и нелогичности действий современной России через образы, а не логические аргументы.

Метафора сооружения в текстах неолиберального дискурса близка по смыслам метафоре дома. Однако под данной разновидностью мы понимаем метафоры, посредством функционирования которых Россия предстает не просто зданием или организацией, а постройкой или «строением различного характера и назначения, обычно сложного по устройству» [Малый академический словарь, 1981–1984]. Так, в выявленных нами текстах образ России предстает как цитадель, дворец и крепость, что позволяет внести в высказывание определенные идеологические смыслы.

Россия на самом деле – цитадель. Это такой дворец Снежной королевы. Цитадель, откуда волны холода распространяются на весь мир (Быков Д.Л. О российской действительности. «Эхо Москвы», 2022. URL: <https://clck.ru/kSirV>).

Основной метафорой, моделирующей образ страны в тексте, является метафора сооружения «Россия – цитадель». Значение лексемы «цитадель» – «сильно укрепленное сооружение внутри крепостной ограды, приспособленное к самостоятельной обороне» [Там же]. Для выражения критической оценки российской действительности публицист дополнительно включает модель «Россия – дворец Снежной королевы», представляющей собой соединение метафоры архитектурного сооружения и литературной метафоры с фреймом «литературные персонажи». Представляя страну как оборонительное строение, Д.Л. Быков имплицитно выдвигает идею об отдаленности России от мирового сообщества, а за счет ее уподобления дворцу Снежной королевы вносит смысл о ее жестокости для остальных государств: «...откуда волны холода распространяются на весь мир». Как и для модели дома, главной функцией метафоры сооружения является

суггестивная функция, благодаря которой бездоказательно обосновывается главный тезис высказывания – «Россия на самом деле – цитадель».

*Политическая дезориентированность масс, <...> рассчитанная на ментальность населения, работа федеральных каналов по защите отечества сделали свое дело. Россия, встав или не встав с колен, двинулась в сторону свойственной ей **самодержавной модели страны-крепости**. В этой **крепости** все ненужное можно скрыть, а нужное вывесить на стенах – врагам на обозрение* (Ерофеев В.В. Россия – это триумф непредсказуемости. DWNews, 2021. URL: <https://clck.ru/mJGem>).

Рассуждая о развитии России, В.В. Ерофеев использует метафору сооружения «Россия – крепость». Моделирование образа России в форме крепости позволяет вызвать у реципиента ассоциации с замкнутостью и скрытостью своей страны от другого мира, на что указывает семантика слова – «укрепленный пункт, подготовленный к круговой обороне и длительной борьбе в условиях осады» [Малый академический словарь, 1981–1984]. Кроме того, прагматический смысл метафоры сооружения заключается во внедрении бездоказательных тезисов и осуждении пути, по которому пошла Россия: как закрытая крепость страна позволяет скрыть «все ненужное», а «нужное вывесить на стенах – врагам на обозрение», что в политическом контексте значит умалчивать то, что кажется неправильным, а необходимое выставлять напоказ.

Таким образом, метафора сооружения, близкая по смыслу метафоре дома, необходима для скрытого продвижения идей об отдаленности и замкнутости России, что в политическом контексте публицистами оценивается отрицательно.

Анализ собранного материала показал, что артефактные модели в публицистических текстах неолиберальных представителей используются реже, чем остальные виды политических метафор. Описание страны как дома («Россия – сумасшедший дом») и сооружения, в том числе архитектурного («Россия – дворец Снежной королевы»), направлено на внедрение

бездоказательных тезисов о России как о неправильной и закрытой от мирового сообщества стране.

2.2.6. Нетерминированные виды политических метафор

Классификация метафор на основе соотнесения по сферам источников их появления, используемая в настоящей главе, удобна для выделения новых разновидностей. В условиях информационно-психологической войны в тексты о России с каждым годом включаются более сложные виды метафор. Так, в ходе анализа высказываний были выявлены четыре новые разновидности – топонимическая, абстрактная, научная и пространственная (структурная) метафоры.

Топонимическая метафора в политическом контексте моделирует образ мишени как географический объект. В текстах нелиберального дискурса, содержащих рассуждения о современной действительности, данная разновидность проявляется через уподобление России другой стране, либо сравнение ее положения с другим государством, что в обоих случаях подразумевает негативную оценку российской реальности. Например:

«Россия – Индия, особенность которой, что британцем-завоевателем здесь становится любой индус, получивший губернаторскую или иную угнетательскую должность. Граница проходит не по имущественному или национальному барьеру, а именно по этому начальственному статусу» (Быков Д.Л. Россия – Два в одном. Русская жизнь №8, 2008. URL: <https://clck.ru/jagXd>).

Топонимическая метафора «Россия – Индия» необходима в данном отрывке для выражения негативной оценки политической действительности России, где «британцем-завоевателем» становится человек, «получивший губернаторскую или иную угнетательскую должность». В высказывании сравнивается положение современной России с историческим временем, когда после Первой войны Индии за независимость восстание было

подавлено англичанами. Так, под «британцами-завоевателями» подразумевается правительство, которое угнетает собственный народ. Д.Л. Быков приходит к выводу, что в России «граница проходит <...> по начальственному статусу», донося реципиенту мысль о чрезмерной власти государства. Таким образом, метафора в тексте обладает специфической функцией когнитивно-образного сопоставления, то есть выражения критической оценки страны через соотнесение ее характеристик и действий с другим образным описанием.

*Все русские до изнеможения обожают Италию. <...> Не любить ее – осрамиться, показать себя невеждой. **Италия – обратная сторона России** <...>. Все по-другому, чем в России, но это другое порой роднее России. Я не знаю ни одного русского, который бы с радостью возвращался домой из Италии. В Италии хочется потянуть время. Остаться еще на день, на неделю, на месяц... **Россия – это неосуществленная Италия** (Ерофеев В.В. Моя дурацкая история // Очарованный остров. Новые сказки об Италии. М.: АСТ: CORPUS, 2014. 304 с.).*

Как и в предыдущем высказывании, топонимическая метафора «Россия – неосуществленная Италия» позволяет включить в текст негативную оценку российской действительности с помощью сравнения страны с положением другого государства (функция когнитивно-образного сопоставления). Так, В.В. Ерофеев бездоказательно утверждает, что «все русские <...> обожают Италию» и нет такого человека, который «с радостью возвращался домой из Италии». Положительно отзываясь об Италии, публицист тем самым умаляет достоинства мишени, которая на ее фоне воспринимается отрицательно: «Все по-другому, чем в России, но это другое порой роднее России».

*Россия, действительно, – альтернативный центр силы. Есть Северный и есть Южный полюс. **Россия такой Южный полюс, полюс холода.** Откуда на весь мир распространяются волны диктатуры (Быков Д.Л. О "слабой" России / беседу вел М. Курников // «Эхо Москвы», 2021. URL: <http://svop.ru/main/37669/>).*

В представленном высказывании из интервью Д.Л. Быкова используется топонимическая метафора «Россия – Южный полюс», благодаря которой развивается идея об отдаленности страны от всего мира, выражающейся так же с помощью рассмотренной нами ранее метафорой сооружения. Оценка публициста передается с помощью соответствующих лексем с негативным значением: Россия предстает «полюсом холода», что может вызывать у реципиентов представление о жестокости страны. Россия предстает не только отдаленной от остального мира страной, но и местом, откуда «распространяются волны диктатуры». Помимо негативно-моделирующей функции, метафора вновь выполняет функцию когнитивно-образного сопоставления за счет сравнения ее действительности с другим географическим объектом.

Так, анализ высказываний представителей неолиберального дискурса позволяет выделить ведущую функцию топонимической метафоры – это функция когнитивно-образного сопоставления, благодаря которой моделируется негативный образ России, сравнивающейся с другими географическими объектами.

Абстрактные метафоры часто используются в публицистических текстах Ю.Л. Нестеренко. Под ними мы понимаем метафоры, моделирующие образ России посредством ее уподобления абстрактным понятиям, связанным с ценностными представлениями, противоположными добру (благу). В публицистике Ю.Л. Нестеренко такими понятиями являются «зло» и «ложь». Приведём примеры.

Россия – это абсолютное зло, с которым нельзя договариваться, и которое необходимо уничтожить (Нестеренко Ю.Л. Россия – абсолютное зло / беседу вел А. Сотник // канал «SotnikTV». 2019. URL: <https://clck.ru/jMrtb>).

«Зло» в определении Малого академического словаря – «все дурное, плохое, вредное» [Малый академический словарь, 1981–1984]. В представленном отрывке абстрактная метафора «Россия – абсолютное зло»

служит для выражения наиболее радикальных идей и создания ультимативной тональности текста (функция создания категоричной тональности), а также продвижения бездоказательного тезиса, основанного на аргументе к страху (иррационально-аргументирующая функция). Так, смысл, создаваемый с помощью политической метафоры, заключается в следующем: Россия – это дурная, опасная страна, с которой «нельзя договариваться» (то есть как зло её нельзя терпеть) и которая поэтому «должна быть уничтожена». Эмоционально настроить адресата против своей страны позволяет также дополнительная лексема «абсолютное» в роли эпитета, усиливающего категоричность высказывания

Россия есть зло, причем – мирового масштаба. Зло должно быть уничтожено. Следовательно, все, что направлено против России, есть благо (Нестеренко Ю.Л. Россия – абсолютное зло / беседу вел А. Сотник // канал «SotnikTV». 2019. URL: <https://clck.ru/jMrtb>).

Включение в текст абстрактной метафоры «Россия – зло мирового масштаба», как и в предыдущем примере, позволяет дать критическую оценку стране и выразить радикальную идею о необходимости уничтожения России, представляющей зло для всего мира. Абстрактная модель предваряет критическое высказывание и участвует в усилении его категоричной тональности (функция создания категоричной тональности). Публицист бездоказательно заключает, что «все, что направлено против России, есть благо», эмоционально настраивая реципиентов на противостояние собственной стране. Метафорический образ, апеллирующий к страху, вместо рациональных аргументов служит средством иррациональной аргументации тезиса.

Россия – это зло. Россия – это зло в его чистом, беспримесном виде. Нашим врагом является не только кремлевский режим. Нашим врагом – и врагом всего свободного мира, всей западной цивилизации, всех принципов, которые нам дороги – является Россия как таковая (Нестеренко Ю.Л. Россия – это зло. // LiveJournal. 2011. URL: <https://clck.ru/jNNfW>).

Абстрактная метафора «Россия – зло» в представленном высказывании взаимодействует с военной моделью «Россия – враг свободного мира». Предваряя метафорой свою речь, Ю.Л. Нестеренко уточняет, что в современной действительности нужно бороться не просто против «кремлевского режима» (власти), но и в целом против страны, являющейся абсолютным злом и порочащей «все принципы, которые нам дороги». В данном случае соединение абстрактной и военной метафор вновь направлено на выражение категоричных идей и убеждение в правильности выдвигаемых тезисов через апеллирование к чувствам и эмоциям адресата (функция создания категоричной тональности и иррационально-аргументирующая функция). Тезис «Россия – это враг» обосновывается иррациональными аргументами-субтезисами о России как зле.

Беда не в том, что Россия это «империя зла», а беда в том, что Россия – империя бессмысленного зла. Здесь даже бессмысленно искать какие-то геополитические интересы, темы для переговоров, чего, к сожалению, не понимают западные лидеры. Они считают, что с Россией можно договориться, найдя какие-то общие моменты. На самом деле Россия – патологический враг западной цивилизации, свободы и демократии (Юрий Нестеренко о России, Западе и эмиграции / беседу вел Алекс Григорьев // Голос Америки. 2011).

Используемая модель «Россия – империя зла» представляет собой соединение абстрактной и исторической метафор, усиленных эпитетом «бессмысленная». Как и в предыдущих текстах, метафора создает категоричную тональность текста и позволяет бездоказательно внедрить идею о враждебности страны, с которой «бессмысленно искать какие-то геополитические интересы» и невозможно «договориться» (функция создания категоричной тональности и иррационально-аргументирующая функция). Моделируя образ страны как «империи зла», неолиберальный представитель апеллирует исключительно к эмоциям читателей, на что указывает лексика с негативными коннотациями – «беда», «бессмысленно»

и др. В своем выводе публицист обращается к военной метафоре «Россия – враг», усиливающейся морбиальным эпитетом «патологический», тем самым побуждая реципиента на дальнейшие действия против своей страны.

Для Империи Лжи – коей Россия была и остается во всех своих ипостасях – средство массового оболванивания всегда было важнейшим инструментом. Веками эту роль исполняла РПЦ (где "П" хочется расшифровать не столько как "православная", сколько как "проститутская"), но <...> продемонстрировала свою неэффективность, не сумев защитит от них же [большевиков – примечание наше] предыдущую власть – а телевизор тогда еще не изобрели. Поэтому, конечно, кино как наиболее примитивное из искусств, ориентированное на тупую и неграмотную массу (коей российское поголовье остается до сих пор, несмотря на электронные гаджеты), было важнейшим делом для государства, решившего поднять уровень людоедства на невиданную ранее величину (Нестеренко Ю.Л. Важнейшая профессия. Новостной портал «7Дней.ру». 2018. URL: <https://clck.ru/jVAWF>).

Приведенное высказывание включает в себе наиболее радикальные смыслы, создаваемые посредством включения в текст метафоры «Россия – империя лжи». В широком смысле ложь, как и зло, относится к тому, что получает от говорящего отрицательную оценку или порицается с определенной стороны. Поэтому модель «Россия – империя лжи», как и в предыдущем примере, представляет собой соединение абстрактной и исторической метафор. В высказывании негативно моделируется не только страна, но и ее религиозные и культурные символы – в данном случае это Русская Православная Церковь, которая характеризуется с помощью инвективной лексики («проститутская»), а также российское кино и телевидение, направленные на «людоедство» (метафора), то есть уничтожение нации. Негативно-оценочная характеристика дается публицистом и русскому народу с помощью эпитетов («тупая и неграмотная

масса») и лексики, характерной для наименования скота («поголовье»). Таким образом, метафора в тексте выполняет пейоративно-оценочную и иррационально-аргументирующую функции (людоедство – апелляция к страху), поскольку бездоказательно позволяет преподнести скрытую идею об одурачивании («массовом оболванивании») страной своего народа.

Таким образом, публицистика представителя неолиберального дискурса Ю.Л. Нестеренко включает в себя большое количество абстрактных метафор. В подобных высказываниях публицист конструирует образ России с помощью нравственно-отрицательных категорий, представления мишени как страны зла или лжи. Ведущей для таких метафор является функция создания категоричной тональности текста, но неолиберальный представитель так же стремится посредством иррациональной аргументации убедить реципиентов в необходимости бороться против собственной страны (иррационально-аргументирующая функция) или в целом отметить ее уничижительные качества (пейоративно-оценочная функция).

Под **научными метафорами**, встречающимися в отдельных текстах неолиберального дискурса, нами понимаются метафоры, понятийной областью которых являются узконаправленные научные сферы. Включение таких метафор позволяет охарактеризовать Россию через научные термины и скрыть смысл высказывания от неподготовленного читателя. Всего нам встретилось два таких примера:

*Писатель дает то, что должна давать культура, а культура – это борьба с энтропией. <...> Если ты видишь себя как человека, входящего в конфликт с энтропией, то тогда ты должен почувствовать, где она находится, где есть то, с чем ты можешь каким-то образом померяться силами. **Россия – это рай энтропии**, больше такой страны не встретишь* (Ерофеев В.В. О политике, литературе и розовых мышках. Новая Сибирь, 2018. URL: <https://clck.ru/kHrFd>).

Модель «Россия – рай энтропии» представляет собой соединение научной и религиозной (подробно рассмотренной в работе П.М. Шитикова

(см. [Шитиков, 2012])) метафор. Энтропия – это термин из научной (физической) сферы, представляющий собой «одну из величин, характеризующих тепловое состояние тела или системы тел; меру внутренней неупорядоченности системы» [Малый академический словарь, 1981–1984]. Используемая метафора выполняет функцию создания семантического контраста: писатели противопоставляются России (беспорядочной, хаотичной стране), с которой должны бороться, по мысли адресанта.

Россия – это чаша Петри, придуманная Богом с целью культивирования в ней великой прозы. Вот великая проза получается из того, что все интриги, начинающиеся в салоне, заканчиваются на каторге или на войне. Самый лучший и показательный пример – это, конечно, «Война и мир» (Быков Д.Л. О русской классике / репортаж Д. Джамалова // «Петербургский дневник», 2019. URL: <https://clck.ru/kLjAx>).

Размышляя о русской классике, Д.Л. Быков включает в свое высказывание метафору из биологической сферы «Россия – чаша Петри». Термин «чашка Петри» означает «комплект из двух стеклянных цилиндрических плоских сосудов <...>; предназначена для культивирования микроорганизмов на плотных питательных средах» [Энциклопедический словарь медицинских терминов]. Метафора в таком случае выполняет функцию когнитивно-образного сопоставления и иррационально-аргументирующую функцию («все интриги, начинающиеся в салоне, заканчиваются на каторге или на войне» – аргумент к страху).

Анализ приведенных высказываний показал, что научные метафоры обладают несколькими функциями: функцией создания семантического контраста (модель «Россия – рай энтропии»), функцией когнитивно-образного сопоставления (модель «Россия – чаша Петри») и иррационально-аргументирующей функцией (метафорическая модель «Россия – чаша Петри»).

Анализ моделей, конструирующих образ России в следующих высказываниях, позволил выделить специфическую разновидность политической метафоры – **пространственную (структурную) метафору**. В текстах представителей неолиберального дискурса данный вид позволяет представить современную российскую действительность как отдельное пространство или сообщество и расширить представления о внутренних процессах страны. В частности, в выделенные нами примеры включаются пространственно-временные характеристики, за счет которых Россия предстает бесструктурной, лишенной ясности объединением. Рассмотрим подробнее.

В России сегодня как-то нет правильного рецепта проживания жизни. В таком кривом пространстве, в такой искривленной модели общества всякое поведение тоже криво и не может быть прямо интерпретировано. Тот, кто работает в легальном поле – предатель, потому что он всё еще не посажен. Тот, кто посажен – предатель, потому что он экстремист... (Быков Д.Л. О российской действительности. «Эхо Москвы», 2022. URL: <https://clck.ru/kSirV>).

Структурная метафора «Российская действительность – кривое пространство» направлена на выражение критической оценки российской реальности. Лексема «кривое» в контексте имеет негативные коннотации. Так, Россия в понимании Д.Л. Быкова предстает неправильным, «искривленным» пространством, в котором переворачиваются все нормы на основе приема причинно-следственного моделирования, апеллирующего к чувству страха: «Тот, кто работает в легальном поле – предатель, потому что он всё еще не посажен. Тот, кто посажен – предатель, потому что он экстремист». Структурная метафора участвует в развертывании тезиса, который дан в начале высказывания: создаваемый метафорический образ кривого пространства позволяет заменить рациональные аргументы на эмоционально-оценочные.

*Вы уже на пути в Русский Мир. Скоро вы начнете понимать, а вернее, прозревать, пронизать, чувствовать. Очень быстро вы **потеряете ориентировку в пространстве**: вам станет все равно, куда идти, ибо, во-первых, пункта назначения не существует, а во-вторых, раз его не существует, то можно отправиться в любом направлении: результат ведь будет тот же* (Толстая Т.Н. Русский мир // Толстая Т.Н. День. М.: Эксмо, 2010).

Образ России в представленном отрывке конструируется за счет включения метафорической модели «Русский Мир – дезориентирующее пространство». Несостоятельность, неправильность «Русского Мира», про который пишет Т.Н. Толстая, объясняется через конструкции негации: «...во-первых, пункта назначения *не существует*, а во-вторых, раз его не существует, то можно отправиться в любом направлении». Структурная метафора в тексте выполняет функцию создания категоричной тональности и используется автором для выражения негативной, ультимативной оценки страны. Ее развертывание апеллирует к чувству страха, безысходности, выполняя иррационально-аргументирующую функцию.

*Кроме того, вы **потеряете ориентировку во времени**, так как над Россией зависло время мифологическое, застывшее, такое, в котором все события совершаются одновременно, а потому их последовательность устанавливается произвольно – по вашему капризу* (Толстая Т.Н. Русский мир // Толстая Т.Н. День. М.: Эксмо, 2010).

Близкая к предыдущей метафорическая модель, формирующая негативный образ страны, – «Россия – вневременное пространство». Отрицая объективные характеристики (время и пространство), представителем неолиберального дискурса отображается несостоятельность страны, ее аморфность. Так, для обозначения времени используется эпитет с негативной коннотацией: оно «застывшее, такое, в котором все события совершаются одновременно». Как и в предыдущем высказывании, метафора

обладает функцией создания категоричной тональности текста и передачи соответствующего эмоционального состояния безысходности адресату.

Таким образом, прагматические смыслы пространственной (структурной) метафоры заключаются в том, что Россия формируется как отдельное, не похожее на другие общество, представляющее собой аморфное пространство, где существование физических законов подвергается сомнению. В неолиберальных публицистических текстах данная разновидность обладает функцией создания категоричной тональности. В одном из высказываний метафорическая модель «Россия – кривое пространство» также выполняла иррационально-аргументирующую функцию, апеллируя к чувствам страха и безысходности.

В представленном параграфе выделены метафоры, не терминированные в известных нам классификациях политических метафор. В неолиберальных публицистических текстах данные разновидности направлены на общую стратегию дискредитации страны: включаются в иррациональную аргументацию (обладают иррационально-аргументирующей функцией, поскольку апеллируют к негативным чувствам и эмоциям с помощью психологических аргументов), участвуют в когнитивно-образном сопоставлении и создании ультимативной тональности текста (функции когнитивно-образного сопоставления и создания категоричной тональности), а в отдельных случаях выражают уничижительную оценку (пейоративно-оценочная функция, которой обладает модель «Россия – империя лжи»). Все проанализированные метафоры моделируют негативный образ России с помощью ее уподобления географическим объектам (топонимическая метафора), порокам (абстрактная метафора), научным понятиям (научная метафора) и пространственным характеристикам (пространственная, или структурная, метафора). Отметим случаи конвергенции нескольких видов метафор, а именно абстрактной и военной, абстрактной и исторической, научной и религиозной.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Лингвистический анализ метафорического моделирования образа России в неолиберальном публицистическом дискурсе позволяет нам выделить следующие типологические и функциональные особенности политических метафор.

1. Конвергентные и неконвергентные («чистые») метафоры, используемые представителями рассматриваемого дискурса (В.В. Ерофеевым, Т.Н. Толстой, Д.Л. Быковым и Ю.Л. Нестеренко), моделируют негативно-оценочный образ России и направлены на общую стратегию дискредитации страны. Отметим, что в условиях информационно-психологической войны неолибералы включают в свои тексты тактики дискредитации не только самой страны, но и ее составляющих (власть, народ, история, культура).

2. Для конструирования образа России в неолиберальном дискурсе используются антропоморфные метафоры и ее разновидности:

– психическая метафора, уподобляющая Россию человеку с определенными психическими характеристиками (ранее не была терминирована в классификациях политических метафор);

– физиологическая метафора, моделирующая образ России как человека с определенными физиологическими характеристиками;

– морбиальная метафора, уподобляющая Россию какой-либо болезни;

– метафора человека, условно представляющая собой соединение психической и физиологической моделей;

– метафора родства, конструирующая образ России как члена семьи.

Метафора с фреймом «физиологические качества» представляет Россию в образе человека с неопределившимся полом (для которого характерны и женские, и мужские характеристики).

В целом антропоморфные метафоры направлены на выражение идей о неправильности, неполноценности страны, что вызвано ее физическими или душевными болезнями.

В публицистических неолиберальных текстах оказалась значима социоморфная метафора и ее разновидности:

- криминальная, конструирующая образ России как преступный мир;
- спортивная, моделирующая образ страны как спортивное соревнование;
- театральная, уподобляющая современную российскую действительность театральному представлению;
- историческая, моделирующая страну как историческую личность или явление (впервые описана нами в классификациях политических метафор);
- литературная, позволяющая моделировать образ мишени как сказочное пространство или сравнивать страну с литературным произведением или героем (ранее не была терминована в классификациях политических метафор). Дополнительно выделены фреймы «литературные жанры» и «литературные герои».

Социоморфные метафоры передают идеи о неизменности и застое российской действительности, а также об «антиисторической» направленности страны.

В меньшей степени для неолиберального дискурса характерны природоморфные метафоры, представленные следующими разновидностями:

- фитоморфная, уподобляющая Россию природным объектам и явлениям;
- зооморфная, уподобляющая страну животным или их поведению.

Природоморфные метафоры способствуют продвижению идей о жестокости страны и ее отдаленности от мирового сообщества. Бестиализирующая модель метафоры как разновидность зооморфной конструирует образ России как infernalного зверя.

В неолиберальном дискурсе редко встречаются артефактные метафоры и их разновидности:

- метафора дома, моделирующая Россию как аномальный дом;
- метафора сооружения, уподобляющая страну архитектурному строению, крепости (ранее не была терминирована в классификациях политических метафор).

Артефактные модели, как и природоморфные, позволяют внедрять идеи о неправильности, отдаленности и замкнутости России на политической арене.

К нетерминированным (не описанным в известных нам классификациях) типам политических метафор относятся:

- абстрактная метафора, моделирующая образ России с помощью нравственно-оценочных характеристик;
- топонимическая метафора, сопоставляющая страну с другими географическими объектами;
- научная метафора, конструирующая образ России с помощью научных терминов;
- пространственная метафора, описывающая мишень с учетом ее физических характеристик (времени и пространства).

Выявленные виды, как и другие модели, направлены на выражение критической оценки мишени и продвижение категоричных идей о наличии у нее тех или иных пороков.

3. Общие лингвопрагматические функции политических метафор (когнитивная, аргументативная, моделирующая, эвфемистическая, оценочная, популяризаторская, эстетическая функции) в неолиберальном публицистическом дискурсе приобретают специфический характер, то есть становятся ведущими для политических метафор, используемых рассматриваемыми представителями. С учетом их специфики нами они терминируются и определяются следующим образом:

1) когнитивно-моделирующая – функция моделирования тразитивной социальной реальности; ее разновидности: функция создания гиперболического образа – функция конструирования пейоративного гиперболического образа; функция когнитивно-образного сопоставления – функция выражения критической оценки мишени через ее соотнесение с другим образным описанием;

2) иррационально-аргументирующая – функция участия метафоры в иррациональной (нелогической, психологической) аргументации, направленной на чувства и эмоции реципиента; как ее разновидность может рассматриваться резюмирующая функция – функция проявления метафоры в качестве вывода в рассуждениях адресанта;

3) суггестивная – функция психического воздействия на адресата за счет бездоказательного (включающего только субтезисы) продвижения тезиса-метафоры;

4) пейоративно-оценочная – функция выражения адресантом пейоративных, дискредитирующих мишень оценок;

5) функция создания категоричной тональности текста – функция ультимативного выражения эмоционального отношения к объекту описания;

6) функция создания семантического контраста – функция противопоставления мишени, маркирующей отрицательно, и какого-либо другого объекта, маркирующегося положительно.

Таким образом, Россия в публицистических текстах представителей неолиберального дискурса является основной мишенью, а метафорическое моделирование позволяет сформировать ее негативный, дискредитирующий образ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель нашего исследования, выполненного в рамках политической метафорологии, заключалась в характеристике типологических и функциональных особенностей метафорических моделей конструирования образа России в неолиберальном публицистическом дискурсе.

Анализ теоретико-методологической базы исследования позволил сформулировать следующие определения его ключевых понятий:

– политическая метафора представляет собой средство образного выражения мысли, основанное на уподоблении онтологически разных предметов и отражающее процесс познания и моделирования мира в политическом дискурсе; как и любая другая метафора, она представляет собой ментальную операцию, которая осуществляется по схеме *X это Y*, где *X* – это поле-цель (мишень), а *Y* – элемент сферы-источника (понятийного поля);

– неолиберальный дискурс – это тип политического дискурса, для которого характерны следование современным западным ценностям в ориентации воздействия на массового адресата и широкое использование манипулятивных технологий и приемов, основанных, как правило, на дискредитации России и приписывании ей негативно-оценочных (пейоративных) качеств;

– образ страны как знаковая модель представления о национально-государственной общности и ее элементах является центральной мишенью в публицистических текстах неолиберального дискурса.

Лингвистический анализ собранного материала позволяет сформулировать следующие выводы.

Для неолиберального публицистического дискурса, представленного высказываниями Т.Н. Толстой, В.В. Ерофеева, Д.Л. Быкова, Ю.Л. Нестеренко, характерны такие виды политических метафор, как антропоморфная, социоморфная, природоморфная и артефактная. Наряду

с их разновидностями, выделяются не терминованные ранее метафоры, названные нами как абстрактная, топонимическая, научная и пространственная метафоры. Широко используется конвергенция антропоморфных и социоморфных метафор.

Для создания образа России в неолиберальном дискурсе используются метафоры, относящиеся не только к самой стране, но и к составляющим ее категориям. В результате анализа по критерию выбора сферы-мишени выделены группы метафорических моделей:

1) Россия – это:

– «дура», «лживая страна», «лгущая страна», «жадная страна», «трансвестит», «женщина, переодетая мужчиной», «труп плохого человека», «дыхание бюджетницы», «больной организм», «ненормальная страна», «шизофреник», «сумасшедший дом» (встретилась в контекстах два раза), «рак человеческой расы», «пенсионер», «мать-пьяница/алкоголичка», «бесстыдная страна» (антропоморфные метафоры);

– «преступное общество», «страна соревнований по бегу с препятствиями», «боец», «сказка», «сказочная страна» (встретилась в контекстах два раза), «волшебная сказка», «миф», «плохой феодал», «потемкинская деревня» (социоморфные метафоры);

– «болото», «безнадежное болото», «дрейфующая льдина», «зверь», «волк-оборотень», «паразит» (природоморфные метафоры);

– «дом», «цитадель», «дворец Снежной королевы», «крепость» (артефактные метафоры);

– «Индия», «неосуществленная Италия», «Южный полюс» (топонимические метафоры);

– «зло», «рак свободного мира», «абсолютное зло», «зло мирового масштаба», «империя зла», «империя лжи» (абстрактные метафоры);

– «рай энтропии», «чаша Петри» (научные метафоры);

– «вневременное пространство» (пространственная метафора);

2) Русский мир – это «зрительный зал» / «дезориентирующее пространство»;

3) Российская действительность – это «Русская трагикомедия» / «четырёхактная драма» / «кривое пространство»;

4) Путин – это «царь»;

5) Российская власть – это «сказка»;

6) Российский народ/общество – «микробы» / «чума» / «рак человечества»/ «твари» / «публика» / «зритель» / «семья Кабанихи»;

7) Русская политика – это «пьеса»;

8) Российская история – это «сказочный спектакль».

Использование метафор в неолиберальном дискурсе объясняется его идеологической направленностью на продвижение западных ценностей и дискредитацию образа России в условиях информационно-психологического противоборства. Метафорам в неолиберальном публицистическом дискурсе свойственны негативно-моделирующая, пейоративно-оценочная, иррационально-аргументирующая, суггестивная функции, а также функция создания категоричной тональности текста. Некоторые типы метафор тяготеют к преимущественному выполнению той или иной функции: функций создания гиперболического образа (метафоры родства) и когнитивно-образного сопоставления (топонимические метафоры) как разновидностей когнитивно-моделирующей, резюмирующей функции как разновидности иррационально-аргументирующей (морбиальная модель «Россия – шизофреник» и природоморфная модель «Россия – паразит»), а также функции создания семантического контраста (социоморфные метафоры).

Таким образом, нами была подтверждена общая гипотеза исследования, заключающая в том, что в публицистических текстах представителей неолиберального дискурса с помощью различных политических метафор моделируется негативно-оценочный образ России

и связанных с ней элементов и знаков (истории, культуры, народа, властей), олицетворяющих самобытность и национальный суверенитет страны.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в сопоставлении типологических и функциональных особенностей метафорических моделей в высказываниях представителей политического дискурса разного типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова Е.С. Номинативное поле концепта «Россия» // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. №3. С. 12–18.
2. Алексеева А.А. Лексические и фразеологические средства репрезентации образа России (на материале отечественной и зарубежной прессы 2008-2011 гг. и ассоциативного эксперимента): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А.А. Алексеева. Новосибирск, 2012. 258 с.
3. Алимуратов О.А., Хасуева М.Х. Сущность явления суггестии в медиадискурсе и основные факторы успешности данного процесса // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. Г.Н. Манаенко. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. Вып. 8. С. 368–369.
4. Анисимова Т.В. Современная деловая риторика [Текст]: учебное пособие / Т.В. Анисимова, Е.Г. Гимпельсон. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2002. 393 с.
5. Антипина О.В. Метафорический образ политической России начала XXI века на материале англоязычных сайтов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.В. Антипина. Иркутск: ИГЛУ, 2010. 221 с.
6. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки славянской культуры, 1974. 481 с.
7. Аристотель. Поэтика / пер. М.Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т.4. М.: Мысль, 1984. С. 59–262.
8. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека: Языковая метафора (синтаксис и лексика). М.: Яз. рус. культ., 1999. 896 с.
9. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
10. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева, 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 136–137.

11. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры /под общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
12. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
13. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. 193 с.
14. Белов С.И. Образ России и россиян в польских исторических фильмах (на материалах экспертных интервью) // Вестник МГИМО. 2018. №4 (61). С. 204–218.
15. Бенвенист Э. Формальный аппарат высказывания // Общая лингвистика. / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс. С. 311–319.
16. Блэк М. Метафора // Теория метафоры / Пер. с англ., общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 153–172.
17. Бондарко А.В. К истолкованию понятия «функция». ИАН ОЛЯ. 45/3, 1987. С. 195–207.
18. Будаев Э.В. Когнитивная теория метафоры: новые горизонты / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 1 (110). С. 6–13.
19. Будаев Э.В. Метафорический образ России в современном мире. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 2009. 276 с.
20. Будаев Э.В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Екатеринбург, 2006. 220 с.
21. Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология: монография: 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Научные технологии, 2020. 464 с.
22. Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры. // Лингвокультурология. Вып. 1. Екатеринбург, 2007. С. 16–32.
23. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта; Наука, 2008. 236 с.

24. Бюиссанс Эрик Ж.Л. Абстрактное и конкретное в лингвистических фактах: речь – дискурс – язык // Полит. наука. 2016. №3. С. 209–216
25. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 344 с.
26. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация // Т.А. ван Дейк. Сб. работ. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
27. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. / пер. с нем. Добронравова и Лахути Д.; Общ. ред. и предисл. Асмуса В.Ф.М.: Наука, 1958. 136 с.
28. Гаврилова М.В. Ключевые концепты русского политического дискурса «Народ», «Власть», «Россия» в инаугурационных выступлениях российских президентов // СПб: ПОЛИТЭКС. 2006. № 1. С. 98–108.
29. Генералова С.Н. Понятие "политический дискурс" в лингвокультурологической парадигме // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. С. 95–101.
30. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода / пер. с фр. Зимина Л. М.: Академический проект, 2004. 368 с.
31. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
32. Демкина Я.Ю. Концепты-константы политического дискурса // Дискурс № 1. СПб: СПбГЭТУ. 2020. С. 121–128.
33. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М.: ИНИОН РАН. 2002. №3. С. 32–43.
34. Деррида Ж. Поля философии / пер. с фр. Кралечкин Д.Ю. М.: Академический проект, 2012. 376 с.
35. Дискурс как новая лингвофилософская парадигма: учебное пособие / сост. А.Г. Горбунов. Ижевск: Удмуртский университет, 2013. 56 с.

36. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации / Указ Президента РФ от 05 декабря 2016 г. № 646.

37. Дубин П.П. Когнитивное исследование ориентационной метафоры в политическом дискурсе (на материале официальных выступлений британских политиков за 2012–2017 годы): магистерская диссертация: 45.04.02. Сургут, 2018. 186 с.

38. Дьяченко И.А., Королёва Т.А., Петрухина О.П. Лексические средства формирования образа России в политическом дискурсе (на материале выступлений Д. Трампа) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. №10. С. 205–210.

39. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 172–193.

40. Зарипов Р.И. Когнитивные аспекты метафорического моделирования в политическом дискурсе (на материале французских политических метафор образа России): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2015. 262 с.

41. Зубакина Т.Н. Метафорическое моделирование историко-политического события: на материале мемуаров У. Черчилля "TheSecondWorld War": дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Зубакина Татьяна Николаевна. Ур. федер. ун-т имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Пермь, 2014. 216 с.

42. Иванов Л.Ю. Постулаты речевого общения // Культура русской речи: энцикл. словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 495–497.

43. Иордан К.С. Политическая метафора как средство сохранения образа страны в американском и российском политических дискурсах: выпускная квалификационная работа бакалавра: 44.03.01 / К.С. Иордан. Лесосибирск: СФУ; ЛПИ – филиал СФУ, 2017. 58 с.

44. Калиновская Е.А., Кобышева А.С. Прагматика рекламного текста в аспекте его суггестивного воздействия. Ростов н/Д.: Известия Южного

федерального университета. Филологические науки, 2021. Том 25. №1. С. 58–67.

45. Карамова А.А. Типологический аспект дискурса // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 1А. С. 361–370.

46. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 281 с.

47. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1993. 261 с.

48. Кибрик А.А., Паршин П.Б. Дискурс // Онлайн Энциклопедия «Кругосвет», 2001. URL: <https://clck.ru/MDhNm> (дата обращения: 08.10.2020).

49. Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: УРСС, 2002. С. 276–339.

50. Клемперер В. LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 167 с.

51. Клименова Ю.И. Интегрированный подход к исследованию метафоры // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №96. С. 201–205.

52. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2001. № 6. С. 132–149.

53. Ковшов А.Е. Военная метафора в современном американском политическом дискурсе: выпускная квалификационная работа: 44.03.05 / А.Е. Ковшов. Белгород: БелГУ. 2018. 59 с.

54. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Златоуст, 1999. 330 с.

55. Кристева Ю.С. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с фр. Косиков Г.К., Нарумов Б.П. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 656 с.

56. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. 1996. 245 с.
57. Лакофф Дж. Метафора: Сборник / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.
58. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М.: Прогресс, 1988.
59. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал, 2004. 256 с.
60. Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга I. Красноярск: Сиб. федер. ун-т. 2017. 340 с.
61. Малый академический словарь / Ред.: А.П. Евгеньева, М., 1957–1960 (АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984).
62. Михалева О.Л. Политический дискурс: способы реализации агональности, 2004. URL: <https://clck.ru/V9Cjf> (дата обращения: 02.02.2021).
63. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. М.: Ленанд, 2006. 184 с.
64. Москвин В.П. Русская метафора: параметры классификации // НДВШ. Филологические науки. 2000. С. 66–74.
65. Мюрберг И.И. Идеология имеет значение: европейская политическая философия в поисках концепции идеологии XXI в. // Философская мысль. 2020. № 8. С. 39–59.
66. Нагуманова В.А. Ситуационно обусловленное изменение метафорического образа России в СМИ Германии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2019. 149 с.
67. Орлова Е.Л. Метафорические образы России, Америки и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иркутск: ИГЛУ, 2012. 193 с.

68. Ортони Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре // Теория Метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
69. Панченко А.М., Смирнов И.П. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и поэзии начала XX века // Труды отдела древнерусской литературы. Древнерусская литература и культура XIX–XX веков. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1976. С. 33–49.
70. Переверзев Е.В., Кожемякин Е.А. Политический дискурс: многопараметральная модель // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. №2. С. 74–79.
71. Пименова М.В. Политическая концептуальная система // Политическая лингвистика. Кемерово: КемГУ. 2010. С. 47–55.
72. Плевако С.В. Феномен политического дискурса // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2010. №2. URL: <https://clck.ru/V9C6t> (дата обращения: 29.04.2021).
73. Политико-философский ежегодник. Вып. 1 / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. И.К. Пантин. М.: ИФРАН, 2008. 199 с.
74. Потенция А.А. Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990. 344 с.
75. Прокопчук О.Г. Развитие представлений о метафоре в античной риторической традиции (Аристотель и Квинтилиан) // Вестник Белорусского государственного университета. Минск. 2009. №2. С. 75–78.
76. Пшенкин А.А. Метафорический образ СССР / России в американском и российском политическом дискурсе. // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 146–160.
77. Рассел Б. Введение в математическую философию / пер. с англ. Целищева В.В. М.: Гнозис, 1996. 240 с.
78. Ричардс А.А. Философия риторики // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 44–67.

79. Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. 400 с.
80. Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Неолиберальный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъективности) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 12. 2012. С. 259–271.
81. Руссо Ж-Ж. Сочинения / ред. Т. Тетенькина. Калининград: Янтарный сказ, 2001. 416 с.
82. Сазыкина Д.А. Метафорический образ России в неолиберальном публицистическом дискурсе // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. Вып. 13 (22). С. 38–44.
83. Семененко И.С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Полис. 2008. № 5. С. 9.
84. Серль Дж. Метафора// Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 307– 341.
85. Стедмен-Джоунз Д. Рождение неолиберальной политики: от Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер / Пер. с англ. А.А. Столярова; науч. ред. А.В. Куряев. Москва; Челябинск: Социум; Мысль, 2017. 522 с.
86. Сухорада Е.А. Комментарий к постам о пристройстве животных: стратегии и тактики воздействия [Электронный ресурс] : выпускная квалификационная работа бакалавра : 45.03.01 / Е.А. Сухорада. Красноярск: СФУ, 2021. URL: <https://clck.ru/rNGJS> (дата обращения 15.05.2022).
87. Татаринов М.Э., Казаков А.В. Метафорические образы современной России в зарубежной прессе // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020. №2 (46). С. 244–248.
88. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира// Роль человеческого фактора в языке: Сб. научн. ст. М.: Наука, 1988. С.173–204.

89. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 82–109.
90. Ухванова-Шмыгова И. Ф. Каузально-генетический подход в контексте лингвистики дискурса. Минск: БГУ. 2014. 223 с.
91. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с фр. М.: Касталь, 1996. 448 с.
92. Хазагерев Г.Г., Лобанов И.Б. Риторика. Ростов-н/Д.: Феникс, 2004. 384 с.
93. Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / пер. с англ. Н.С. Брагиной. М.: Поколение, 2007. 288 с.
94. Хомский Н. Десять способов манипулирования людьми с помощью СМИ. 2011. URL: <http://www.avtonom.org/node/15912> (дата обращения: 20.02.2021).
95. Худяков А.В. Современные исследования президентского дискурса: теоретические предпосылки и перспективы // Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, 2015. № 2. Ч. 2. С. 206–208.
96. Цзэн Ялинь. Реализация аксиологического потенциала политической метафоры в российском медиадискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2021. 203 с.
97. Чекменев Д.С. Функции общественно-политического дискурса // Университетские чтения: Материалы научно-методических чтений ПГЛУ (г. Пятигорск, 14-15 января 2016 г.). Пятигорск. 2016. С. 212–216.
98. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.
99. Чудинов А.П. Метафорическое моделирование образа России в современном агитационно-политическом дискурсе // Язык. Система. Личность. Екатеринбург: НУДО «Межотраслевой региональный центр», 2000. С. 177–189.

100. Чудинов А.П. Новые русские метафоры: Ч.1: Дом / А.П. Чудинов // Рус. речь, 2003. № 1. С. 38–41.
101. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 175 с.
102. Чудинов А.П. Российская политическая метафорика в начале XXI века // Политическая лингвистика. 2008. №24. С. 86–93.
103. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. URL: <https://lingvotech.com/chudinov-01>(дата обращения: 28.02.2021).
104. Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект: моногр. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2012. С. 72.
105. Шарафутдинова О.И. Образ России в выступлениях В.В. Путина (по данным количественного анализа) // Вестник ЧелГУ. 2017. №11 (407). С. 72–79.
106. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
107. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.
108. Шиляев К.С. Основные концепции когнитивной семантики: учебно-методическое пособие. Томск: Томский государственный университет, 2018. 45 с.
109. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 244 с.
110. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 280 с.
111. Эпштейн О.В. Семантико-прагматические и коммуникативно-функциональные категории политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2008. № 2 (2). С. 150–156.

112. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сквородникова. Члены редколлегии: Г.А. Копнина, Л.В. Куликова, О.В. Фельде, Б.Я. Шарифуллин, М.А. Южанникова. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2012. 882 с.
113. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 300 с.
114. Black M. More About Metaphor // *Metaphor and Thought* / Ed. A. Ortony. 2 ed. Cambridge, 1993. P. 19–43.
115. Charteris-Black J. Analyzing Political Speeches: Rhetoric, Discourse and Metaphor // Basingstoke & New York: Palgrave-MacMillan. 2014. 274 p.
116. Graber D. Political Languages // *Handbook of Political Communication*. Beverly Hills and London: Sage Publications, 1981. P. 195–224.
117. Harris Z. Discourse analysis // *Language*, 1952. V. 28. № 1. P. 1–30.
118. Miller G. Images and Models, Similes and Metaphors.// *Metaphor and Thought*. Ed. by Andrew Ortony. Second Edition. Cambridge: Cambridge University Press. 1993. P. 357–400.

Список источников речевых иллюстраций

1. Быков Д.Л. Думание мира. Как быть и ничего не делать. М.: Русская жизнь, 2007. 376 с.
2. Быков Д.Л. Мать моя вся в саже. Профиль [Электронный ресурс]. 2015. №48. URL: <https://inlnk.ru/70701l> (дата обращения 18.12.2021).
3. Быков Д.Л. О "слабой" России / беседу вел М. Курников // «Эхо Москвы» [Электронный ресурс]. 2021. URL: <http://svop.ru/main/37669/> (дата обращения 01.05.2022).
4. Быков Д.Л. О российской действительности. «Эхо Москвы» [Электронный ресурс]. 2022. URL: <https://clck.ru/kSirV> (дата обращения 01.05.2022).
5. Быков Д.Л. О российском пути. «Эхо Москвы» [Электронный ресурс]. 2021. URL: <http://svop.ru/main/38597/> (дата обращения 12.04.2022).
6. Быков Д.Л. О русской классике / репортаж Д. Джамалова // «Петербургский дневник» [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://clck.ru/kLjAx> (дата обращения 03.05.2022).
7. Быков Д.Л. Россия – Два в одном. Русская жизнь №8 [Электронный ресурс]. 2008. URL: <https://clck.ru/jagXd> (дата обращения 07.01.2022).
8. Быков Д.Л. Россия – это общество спектакля / беседу вел В. Радионов // программа «Без обид» [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://clck.ru/rLJid> (дата обращения 01.05.2022).
9. Быков Д.Л. Выпуск «Один» от 22.10.2021. «Живой гвоздь» [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://blogs.7iskusstv.com/?p=95231> (дата обращения 13.04.2022).
10. Быков Д.Л. О "болезненной" России. «Эхо Москвы» [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://echo.msk.ru/programs/odin/archive/43/> (дата обращения 10.04.2022).

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

11. Быков Д.Л. Оруэллова недостаточность. Известия [Электронный ресурс]. 2009. URL: <https://iz.ru/news/349772> (дата обращения 07.01.2022).
12. Быков Д.Л. Песнь заполярного огурца. О литературе, любви, будущем. М.: Эксмо, 2018. 320 с.
13. Быков Д.Л. Россия – это болото / беседу вел А. Силаев // Вечерний Красноярск [Электронный ресурс]. 2008. URL: <https://clck.ru/rLN4c> (дата обращения 07.01.2022).
14. В. Ерофеев об аннексии Крыма, дворцовом перевороте в Кремле и Путине-либерале / беседу вел Н. Княжицкий // Новостной портал «Эспрессо» [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://clck.ru/rLL6J> (дата обращения 07.01.2022).
15. Дмитрий Быков о себе, Бунине и России // «Аргументы и факты» [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://clck.ru/hihS7> (дата обращения 10.04.2022).
16. Ерофеев В.В. Назначенные враги и друзья России. DWNews [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://inlnk.ru/gozoKo> (дата обращения 18.12.2021).
17. Ерофеев В.В. О культуре и ее отношениях с властью / беседу вел Ю. Решето // Deutsche Welle [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://clck.ru/LGNFW> (дата обращения 12.12.2021).
18. Ерофеев В.В. Россия – это триумф непредсказуемости. DWNews [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://clck.ru/mJGem> (дата обращения 07.01.2022).
19. Ерофеев В.В. Россия как трансвестит / беседу вел В. Печейкин // Электронный журнал «КВИР» [Электронный ресурс]. 2014. URL: <https://clck.ru/V9odn> (дата обращения 12.12.2021).

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

20. Ерофеев В.В. Секс – метафора стиля нашей жизни / беседу вел К. Завалин // 48.ru [Электронный ресурс]. 2011. URL: <https://clck.ru/hnFGZ> (дата обращения 12.12.2021).
21. Ерофеев В.В. Эксклюзивное интервью для УНИАН / беседу вела Л. Козовая // УНИАН [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://clck.ru/LGRXT> (дата обращения 12.12.2021).
22. Ерофеев В.В. Моя дурацкая история // Очарованный остров. Новые сказки об Италии. М.: АСТ: CORPUS, 2014. 304 с.
23. Ерофеев В.В. О политике, литературе и розовых мышках. Новая Сибирь [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://clck.ru/kHrFd> (дата обращения 07.01.2022).
24. Ерофеев В.В. О Путине во Frankfurter Allgemeine. Inopressa [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://inlnk.ru/ND5D0v> (дата обращения 01.05.2022).
25. Ерофеев В.В. Россия – это не Беларусь // «Inopressa» [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://clck.ru/V9otq> (дата обращения 12.12.2021).
26. Ерофеев В.В. Свет дьявола: География смысла жизни. М.: АСТ: Зебра Е, 2008. 384 с.
27. Ерофеев В.В. Цензура в России всеобъемлющая, но и одновременно неуловимая / беседу вел Ю. Решето // «Deutsche Welle» [Электронный ресурс]. 2017 URL: <https://clck.ru/rLNT3> (дата обращения 12.04.2022).
28. Ерофеев В.В. Я похож на лоскутное одеяло. «Читаем вместе» [Электронный ресурс]. 2011. URL: <https://inlnk.ru/VoNoJV> (дата обращения 07.01.2022).

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

29. Нестеренко Ю.Л. Важнейшая профессия. Новостной портал «7Дней.ру» [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://clck.ru/jVAWF> (дата обращения 03.05.2022).

30. Нестеренко Ю.Л. Исход. Блог «yup.complife.info» [Электронный ресурс]. 2011. URL: <https://clck.ru/iNzXj> (дата обращения 01.05.2022).

31. Нестеренко Ю.Л. Россия – это зло. // LiveJournal [Электронный ресурс]. 2011. URL: <https://clck.ru/jNNfW> (дата обращения 03.05.2022).

32. Нестеренко Ю.Л. Нечто прекрасное о русском народе и России. // LiveJournal [Электронный ресурс]. 2014. URL: <https://clck.ru/hkQXp> (дата обращения 01.05.2022).

33. Нестеренко Ю.Л. Россия – абсолютное зло / беседу вел А. Сотник // канал «SotnikTV» [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://clck.ru/jMrtb> (дата обращения 01.05.2022).

34. Нестеренко Ю.Л. Страна, несовместимая с жизнью. Новостной портал «7Дней.ру» [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://clck.ru/iavgv> (дата обращения 01.05.2022).

35. Нестеренко Ю.Л. Тридцать тысяч хороших русских. [Электронный ресурс]. 2020. URL: https://vk.com/wall-20655745_5669 (дата обращения 11.01.2022).

36. Нестеренко Ю.Л. Чума // Detroit.RU [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://clck.ru/hkJ3P> (дата обращения 19.05.2022).

37. Т.Толстая о России и русских // Пятая либеральная колонна: Вся правда [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://droplak.ru/?p=2033> (дата обращения 12.12.2021).

38. Толстая Т.Н. Пара слов о гламуре / беседу вела Ю. Идлис // ПОЛИТ.РУ [Электронный ресурс]. 2006. URL: <https://clck.ru/rLQdm> (дата обращения 12.12.2021).

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

39. Толстая Т.Н. Русский мир // Толстая Т.Н. День. М.: Эксмо, 2010. 416 с.

40. Юрий Нестеренко о России, Западе и эмиграции / беседу вел Алекс Григорьев // Голос Америки [Электронный ресурс]. 2011. URL: <https://clck.ru/rLFMU> (дата обращения 12.04.2022).

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиРК
 И.В. Евсева
«24» июня 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИИ
В НЕОЛИБЕРАЛЬНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Выпускник Д.А. Сазыкина, гр. ОФ18-01Б

Руководитель д-р филол. наук,
доц. Г.А. Копнина

Нормоконтролёр Н.А. Руш

Красноярск 2022